

2-й годъ изданія.

СѢВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ

**Еженедѣльникъ молодой надпартій-
ной интеллигенціи**

№ 3.

Вся чистая прибыль идетъ
въ пользу семей павшихъ
въ бою воиновъ.

ПЕТРОГРАДЪ

10 коп.

Редакція просить нуждаючихся т. т. студентовъ и курсистокъ вступать въ число продавцовъ журнала. Объ усло-
віяхъ справиться въ редакціи отъ 5—9 ч. вечера.

0271

Съверхый Гусляръ

Адресъ конторы и редакціи: Петрогр. Стор. Б. Зеленина, д. 8, кв. 20. Контора открыта ежедневно съ 5 до 9 ч. веч. Редакція—отъ 6 до 8 час. веч. Тел. 530-66.

№ 3.

2-й годъ изданія.

7 Февраля 1915 г.

СОДЕРЖАНІЕ: Отъ редакціи.—Мое мнѣніе о задачахъ журнала, А. Туфанова.—Къ вершинамъ надпартийности, Антона Ковшъ.—Обзоръ журналовъ-еженедѣльниковъ, Silentium.—Поэтъ ласки и большой любви, Клавдія Прудовскаго.—По поводу статьи И. Лебединова „На грани“, А. Туфанова.—Стих., Иннокентія Аксенова.—Я и ты въ тѣняхъ и онъ въ маскѣ, А. Туфанова.—Бредъ, Антона Ковшъ.—Стих., Ал. Крестинскаго.—Симфонія жизни, Анны Авдѣйчикъ.—Стих., Татіаны Б.—О стихахъ, А. Туфанова.—Водопадъ, Валеріи Снѣговой.—Стих., А. Жуковскаго.—Списокъ книгъ-полученныхъ въ редакціи для отзыва.

Отъ редакціи.

Выпуская первыя номера журнала, обыкновенно принято давать редакціонныя статьи, выясняющія программу и направленіе журнала.

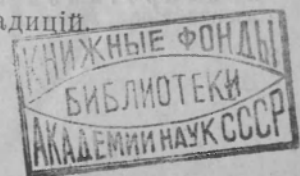
Этого-же принципа держались и мы, пока не пришли къ выводу совершенно обратнаго характера. Такія статьи могутъ быть печатаемы только въ партийныхъ органахъ, гдѣ всѣ сотрудники такъ или иначе «подстригаются» подъ одну мѣрку. Въ нашемъ, надпартийномъ, журналѣ, въ основѣ котораго лежитъ — полный просторъ и свобода личности, такихъ статей помѣщаться не будетъ, такъ-какъ нѣтъ двухъ мнѣній абсолютно сходныхъ, а каждый изъ сотрудниковъ имѣетъ право голоса по тому или иному вопросу вполне самостоятельно.

Редакція.

Мое мнѣніе о задачахъ журнала.

Новые пути—тернисто-тяжелые, новые пути воздушно-легкіе. Они—по землѣ, они и къ солнцу, вѣчно-молодому для тѣхъ, кто не медлитъ въ застывшемъ покоѣ.

„Съверхый Гусляръ“—надпартийный; тернисто-тяжелый путь его—отъ связи съ покоемъ застывшимъ, съ покоемъ завѣтовъ, съ покоемъ традицій.

Мы не порвали съ традиціями русской интеллигенціи, не порвали съ завѣтами стараго студенчества: есть *преемственная* связь, а потому и путь *преемственно-тернистый*. Въ надпартийности—связь съ прошлымъ.

Въ программѣ журнала партийнаго стояла бы гибкая тактика, дымилась бы дневные лучи побѣды и скользили бы ночныя тѣни реакціи; въ безпартийномъ и внѣпартийномъ, прогрессивномъ и либеральномъ, радикальномъ и т. п. была бы оторванность, былъ бы эклектизмъ; другіе „гуслияры“ это пережили въ прошломъ, а нашъ—новый, онъ надпартийный, значить связь есть.

То, что не летаетъ, а только скользить, какъ тѣни старыхъ полетовъ орлиныхъ,—общественность партийныхъ организаций,—лазаретныхъ, библиотечныхъ и прочихъ студенческихъ, а также лѣвыхъ и правыхъ органовъ печати,—уже забила тревогу и беретъ подъ охрану студентовъ, словно студенты—овцы, какъ будто мы—волки, а она—иастухъ.

Вотъ почему мы пишемъ о себѣ, о своихъ задачахъ, но пишемъ немного, потому что надпартийность—высокія горы, съ которыхъ намъ, свободнымъ, виденъ міръ освобожденный съ одними намеками расцвѣтающихъ цѣнностей новыхъ.

Созиданье вѣчныхъ цѣнностей, обсужденье и постановка проблемъ социальнo-философскихъ—таковы задачи всѣхъ, но не каждаго. Пусть каждый вездѣ, всегда и по своему творитъ истину, созидая новое, разрушая старое, оставаясь всегда самимъ собой. Отсюда—наша надпартийность и свобода каждаго въ достиженіи цѣнностей измѣнчиво-вѣчныхъ.

Предоставимъ сектантамъ дрожать за своихъ идоловъ; пусть они качаются въ гамакъ догмъ засохшихъ, засыпаютъ и сходятъ со сцены сами собой. Не для нихъ весенніе зовы загорающей новой жизни; зовы для тѣхъ, для кого нѣтъ вѣчныхъ, застывшихъ цѣнностей въ прошломъ и настоящемъ.

Пусть незначительны мы сами по себѣ и малы, но мы и велики, какъ первый симптомъ новыхъ устремленій, молодыхъ порывовъ дальше и впередъ, выше и глубже, въ пламени пожара, охватившаго старый міръ. Въ этомъ наша сила, въ этомъ наша мудрость—солнечно-юная, лунно-веселая, стремительно-дерзкая, творчески-измѣнчивая и... единственная у каждаго въ каждый мигъ.

А. Туфановъ.

Къ вершинамъ надпартийности.

Антонъ Ковшъ.

Называя свой журналъ органомъ молодой интеллигенціи, — вмѣсто „журналъ учащейся молодежи,“ — мы прележде всего кладемъ рѣзкую грань между лич-

и о с т ь ю и т ь м ь, что еще не опредѣлилось, не освободилось,—„ч л е н о м ь“ и т ь м ь самымъ вновь подчеркиваемъ свое credo.

Называя „Сѣверный Гусларь“ органомъ учащейся молодежи“, мы, естественно, ставили его задачей выраженіе идей и настроеній в с е й учащейся молодежи,—что, физически, невыполнимо, да и этически не нужно,—и естественнымъ образомъ натолкнулись на заслуженный протестъ со стороны „членовъ“ массы.

Намъ показали и доказали, что и современная учащаяся молодежь, какъ масса, это нѣчто настолько неопредѣленное и малоинтересное,—вслѣдствіе своего вѣчнаго постоянства, ибо психологія массъ вчера ни чемъ ровно не отличается отъ психологіи массъ сегодня,—что было бы ненужнымъ и жалкимъ трудомъ пытаться выразить и передать ея настроенія, ея запросы.

Однако, личность есть. И какъ-бы трудно ни подавалось уловленію личность, вслѣдствіе ея поглощенія массой, хотя и мнимо-значительной, все-же, для фотографированія ея цѣнностей, нѣтъ нужды брать всю массу и связывать себя съ ней прочными, тѣсными узлами. Временныя экскурси въ область массы возможны извнѣ и въ отъединенности наиболѣе плодотворны.

Масса составлена изъ людей, но люди бываютъ личностями, бываютъ и „членами“. Первые легко могутъ стать и становятся надъ массой, соприкасааясь съ послѣдней, подобно шаровымъ недѣльнымъ, въ одной точкѣ, въ точкѣ включенія „не-я“ „въ я“. Вторыя рѣдко становятся выше, вслѣдствіе абсолютной зависимости отъ массы и, неразбираясь самостоятельно въ средствахъ и цѣностяхъ, чаще, воруя чужія цѣнности, служатъ тормазомъ личности. Но тутъ вина не столь на „членахъ“, сколь виновата одна древняя-древняя ложь, о которой мы скажемъ въ свое время отдѣльно, а теперь добавимъ въ оправданіе „членовъ“, что они—только безвольная игрушка, печальное слѣдствіе многихъ историческихъ накопленій запутанности, надѣленная слабостью х о ч у.

И мы меньше всего склонны слать упреки по ихъ адресу и обвинять въ чемъ либо.

Мы только проводимъ грань, между личностью и „членомъ“, т. е. н е о с в о б о д и в ш и м с я,

а изъ сравненія будемъ дѣлать выводы,—строить новыя цѣнности.

Нашъ недолгій опытъ показалъ, что масса, вездѣ и всегда одна и таже и члены ея, какъ составные элементы ея, поразительно похожи другъ на друга. Они съ точностью доказали на опытѣ, какъ нельзя было доказать ни какими софизмами, что с т а д в о с т ь еще существуетъ и неудобно не различить ея, неудобно смѣшивать тѣхъ и другихъ. Пока „членъ“ не сталъ личностью мы не коснемся его. Анализомъ его переполнена исторія. О с в о б о д и в ш и с я интересуется насъ. И не въ видѣ цѣнности, а средства. Непослушные голосу стадности, не закрѣпощенные традиціями, тѣ, что не гнютъ у старыхъ пней, застывшихъ истинъ, а ищутъ на каждый день, на каждый мигъ новыхъ цѣнностей, новыхъ сильныхъ и красочныхъ переживаній; ищутъ въ этихъ переживаніяхъ и берутъ только самое острое, самое яркое и, используя сначала, какъ цѣнность, потомъ, какъ средство, направляютъ на сооруженіе новыхъ цѣнностей и такъ безъ конца—о н и только интересуютъ насъ. Ихъ вѣчное „хочу“, эта вѣчная смѣна вчера на сегодня и безъ вопля, безъ оглядки назадъ, эта вѣчная радость творчества, безконечная цѣпь устремленій—символь не умиранія; это — личность, это н а д п а р т і й н ы й и н т е л л и г е н т ь. Это новый человекъ и человекъ будущаго, онъ есть. Въ заревѣ мирового пожара принялъ онъ свое боевое крещеніе—бросилъ вызовъ старымъ богамъ и мы идемъ ему навстрѣчу.

Познать весь міръ—не новая мечта. Познать всю красоту бытія, до жертвъ собой, старо, какъ міръ; но, міръ познать, путемъ включенія его въ свое эго, познать „не-я“, растворяя въ себѣ это „не-я“, до послѣдняго атома, и быть собой и всегда, ошибаться, но неустанно идти—ошибаться значить творить—быть не тамъ, гдѣ всѣ, и понять все, понять и у м ь т ь н е м ь ш а т ь—это новая мечта, и это мечта н а д п а р т і й н а г о и н т е л л и г е н т а.

Что—наша надпартійность? Неравнозначуща-ли она безпартійности или внѣпартійности, не повторение-ли это стараго въ новыхъ терминахъ? Намъ уже приходилось говорить на эту тему, но и послѣ пространнаго

толкованія смыслъ нашей надпартийности остался темень.

Межь тѣмъ она ясна изъ разсмотрѣнія партийности, и даже не изъ противоположенія послѣдней, ибо эти величины несоизмѣримы. Партийность часто переходитъ въ стадность; и при болѣе близкомъ анализѣ тамъ рѣдко удается открыть проблески свободности, самобытности. Партийность это повгоревіе старой жи, старой, какъ мѣръ, ошибки. Вотъ почему, замѣтимъ кстати, „общезначимыхъ“ нормъ изжито, сотни-тысячъ не ни одна изъ нихъ не цѣнность. Но мы живые. Каждый изъ насъ свой отдѣльный мѣръ, до края цѣльный и разнообразный, и настолько отличный отъ другого, что абсолютно не сравнимъ. Правда, въ существѣ дѣла, всѣ-мы устроены по общему плану, грубо, чрезвычайно похожи другъ на друга и, вѣроятно, когда-то, въ эпоху дощернаго человѣка, психически такъ-же походили одинъ на другого, что не были отличны. Тогда и не было личности въ томъ смыслѣ, какъ мы теперь ее понимаемъ. Въ этомъ, отчасти, корень вѣковой жи — ответственности, какъ противопоставленія личности. Но съ тѣхъ поръ, прошли вѣка и общій планъ зарылся въ глубь, заросъ, заросъ настолько, что и слѣдъ его не служить намъ. А творчески — живетъ наша индивидуальная стихія, продуктъ позитивныхъ накопленій. И какъ паразитъ плодится ложь „партийность“ стадность. Мы воспитываемъ ее сами, благодаря ей несмысленности и преступно то, что нѣтъ въ насъ санкціи на это, санкціи — „такъ надо“. Глубокая древность навязала намъ это сокровище, но мы, надпартийные, ликуемъ видя, какъ оно гибнетъ въ пламени мірового пожара. Подписывая смертный приговоръ стадности, мы, познавъ ее обманъ интуитивно, а потомъ критически, естественно, заявили себя надпартийными т. е., сходящими несравненно выше всякой возможности опуститься до того, чтобы стать „членами“, а не личностью, стать частицей „партии“, возвести древнюю ложь въ новую степень.

Теперь ясно, что называть свой журналъ, вы-

разителя своихъ думъ и устремленій, часть своего внутренняго разнообразнаго міра, журналомъ „учащейся молодежи“, т. е., вводитъ опять таки что-то тускло-расплывчатое, отдающее стадностью, возводитъ въ степень старую ложь, нѣтъ ни какой надобности, протестуетъ нашъ духъ, и даже бессмысленно и противорѣчиво.

Разъяснить точнѣе значеніе нашей надпартийности мы думаемъ излишне, т. к. дальнѣйшее само по себѣ свѣтло и ясно. Въ дополненіе къ сказанному мы только добавимъ, что называясь молодой надпартийной интеллигенціей, мы ли чуть не уклонились отъ своихъ первоначальныхъ заданій, наоборотъ приблизились къ нимъ. Мы на порогѣ творчества и творчества красиваго и цѣльнаго.

Мы освободились, сознавъ ложь, отъ вѣковыхъ путъ стада, мы прошли въ ту „дверь“, о которой упоминали въ номерѣ пятомъ нашего журнала. Старыя цѣпи сломаны и намъ легко и свободно дышать на просторѣ. Мы не въ мѣрѣ, а мѣръ межъ нами и въ насъ! Еще слѣдуетъ сказать, что, не отрывая себя отъ той среды, изъ которой шли въ свою завѣтную „дверь“ — отъ студентовъ, со „студенчествомъ“, какъ съ массой, со стадомъ, мы покочили навсегда, туда мы не вернемся. Но мы не ушли и не уйдемъ отъ тѣхъ, кто такъ-же личности, кто водительствоетъ своимъ міромъ самъ и не пришить къ стаду. Мы не ушли отъ тѣхъ, кто бьется въ силкахъ стадности и предрасудка, кто ищетъ выхода. И вновь повторяемъ, что мы идемъ впередъ и въ высь, на высшую ступень индивидуальности.

Съ нами (но не за нами), какъ личности, идутъ не десятки, а сотни и тысячи другихъ подобныхъ намъ, идутъ, водимые каждый своей большой мыслью. Сильные и быстрые идутъ, „умѣя хотѣть“, воплощая идеалъ въ реальность. Теперь насъ больше и намъ веселѣе въ пути! Мы идемъ въ Разсвѣтъ!

Антонъ Ковшъ.

Обзоръ журналовъ-еженедѣльниковъ.

Siletium.

Астрономія учитъ насъ, что лучъ свѣта, проходя изъ пустоты въ преломляющую среду, измѣняетъ свое направленіе, приближаясь къ перпендикулярю, возстановленному въ точкѣ вступленія луча въ преломляющую среду; это явленіе наз. рефракціей.

Такая же рефракція, только психологическая, наблюдается и въ газетахъ и въ журналахъ, и тоже при вычисленіи координатъ надо считаться съ показаніями „барометра и термометра“.

Хорошей иллюстраціей къ этимъ мыслямъ служатъ обозрѣваемые еженедѣльники.

Если, напр., критикъ журнала „Солнце Россіи“, разбирая книгу въ 180 стр., „ругаетъ“ автора за стихи на 257 стр., развѣ это передержка, развѣ это опечатка? Это психологическая рефракція; плохіе стихи есть, и много ихъ критикъ читалъ, только видитъ ихъ не въ томъ мѣстѣ въ силу рефракціи.

Журналъ „Партизанъ“ (см. вып. I, 1914 г.) поставилъ цѣлью бороться съ „засильемъ нѣмцевъ“; такую цѣль надо привѣтствовать, если имѣется въ виду развитіе національной промышленности; но стоитъ взглянуть на послѣднюю страницу журнала, и мы убѣдимся, что члены редакціи страдаютъ тоже психологической рефракціей. На рисункѣ Шопенъ, Глинка, Чайковский обращаются къ Шуберту, Гайдну, Баху, Моцарту и др. ео словами: „Г.г. нѣмецкіе композиторы! Дайте дорогу и подобающее мѣсто нашей славянской музыкѣ“. Музыка—глубочайшее изъ искусствъ, въ ней отраженіе чистыхъ, вѣчныхъ, общечеловѣческихъ идей, поэтому членамъ редакціи не мѣшаетъ помнить, что на нее слѣдуетъ смотрѣть въ зенитѣ, когда рефракція равна нулю.

Журналъ „Лукоморье“ (№№ 27 и 28) наполненъ сплошь военными разсказами и стихами. Въ журналѣ „Вершины“ (№ 6) на двухъ страницахъ (10 и 11) лежитъ солдатъ съ ружьемъ среди текста разсказа „На елку“ А. Чеботаревской. Не знаю, что имѣла въ виду г. Чеботаревская, но мнѣ кажется, что этотъ солдатъ сатирическій по адресу журнала „Лукоморье“: онъ давитъ мысль разсказчиковъ и поэтовъ и стрѣляетъ, а разсказчики (Н. Олигеръ въ 28 №) расписываются въ преклоненіи предъ денщикомъ („Горячее“), который подъ свинцовымъ дождемъ принесъ офицеру испеченныя яйца. Для кого и для чего пишутся подобные разсказы?

Что же касается военныхъ пѣсенъ рюмачей, то ни въ одной изъ нихъ мы не найдемъ отраженія трагическаго величія жертвъ и не услышимъ голосовъ вѣчности надъумирающими героями; такъ искусственны и тенденціозны пѣсни современныхъ рюмачей!

Г-жа Э. Гиппиусъ въ „Вершинахъ“ зоветъ къ опрощенію (см. стих. подъ такимъ же названіемъ), зоветъ надѣть армякъ и лапти на Душу-Мысль свою, коварно-сложную. Это—вѣчно старый, обычный интеллигентскій сдвигъ. На „коварно-сложную“ душу нельзя надѣвать лапти: измѣнитъ и завтра же надѣнетъ лакированныя ботинки. Отъ уважаемой поэтессы, кстати, я не ожидалъ „опрощенія“ въ стихахъ: 8 стихъ (ямбическій) построенъ такъ: „Пусть тяжесть зем ая ей открывается“, не лучше ли было бы: земная тяжесть ей пусть открывается? Если этотъ стихъ въ „армякѣ“, то 10 и 12—въ „лаптяхъ“ безъ художественныхъ украшеній.

Въ военныхъ номерахъ „Всемирной панорамы“ (отъ 14 ноября) и „Солнца

Росси́и“ (№ 10) слѣдуетъ остановиться только на стихахъ: Д. м. Цензора „Баллада“, посвященная вдовѣ, потерявшей мужа и сына въ бою, и Якова Година „Заячья поляна“ — о зайцахъ, обезумѣвшихъ отъ визга пуль и треска шрапнели и снесенныхъ, въ качествѣ „маленькихъ братьевъ“ (?) въ окопъ.

Въ Рождественскомъ № „Отечество“ напечатанъ „Вынужденный отвѣтъ“. Редакція журнала въ этомъ отвѣтѣ Д. С. Мережковскому и Антону Крайнему, между прочимъ, пишетъ, что относятся съ любовью и благоговѣніемъ къ ратному труду русскаго народа и что „русская интеллигенція не можетъ, не должна отказать въ словахъ любви и сочувствія русскому народу, ведущему войну... Кровь и отвѣтственность на всѣхъ насъ. Слезы, стоны, клики сочувствія несутся со всѣхъ сторонъ; никто не можетъ чувствовать себя не затронутымъ войной“.

Въ „Голосѣ Жизни“ въ статьѣ М. Славинскаго есть характерное для интеллигенціи признаніе, что кромѣ внѣшнихъ, видимыхъ потерь война принесетъ еще потери моральныя, психо-

логическія; все разнузданное, низкое сдѣлается „подпочвой психическихъ напластованій“ и передастся какъ предрасположеніе поколѣніямъ. Авторъ статьи дѣлаетъ выводъ о долгѣ предъ потомками сдѣлать достояніемъ памяти народной лишь чистое, положительное, плодотворное. А для меня задача представляется иною. Не расписываясь въ долгахъ, интеллигенція должна или взять ружье и идти въ окопы, или остаться, но не культивировать въ мирномъ населеніи своей болѣзненно-психологической рефракціи.

Въ заключеніе остановлюсь еще на „Синемъ журналѣ“, „Огонькѣ“, „Маленькой газетѣ“, „Газетѣ-Копейкѣ“, „Всемирной панорамѣ“ и др., имѣющихъ сходство съ европейской бульварной прессой.

Еще античные философы утверждали, что *sen-satio* есть внѣшнее ощущеніе. Новѣйшая психология сенсацией называетъ воспріятіе, но не познаніе. Съ легкой руки книгознд. „Копейка“ у насъ въ Россіи выросла и окрѣпла цѣлая литература, для которой нѣтъ тайнъ, нѣтъ величій, есть только факты, диалектически не связанные и подбираемые только какъ анекдоты для щекотанія низменныхъ и чувственныхъ сторонъ души человѣка „улицы“. Человѣкъ улицы послѣ общественнаго подъема падаетъ, теряетъ мѣрило для общихъ цѣнностей, теряетъ культурную душу, начинаетъ жить эпизодами, обращая даже смерть, страданія, любовь и пр. въ кратковременныя внѣшнія ощущенія. Въ крупныхъ европейскихъ центрахъ уже опредѣлилось, что литературные негры культивируютъ въ улицѣ низменное, съ цѣлью наживы, а улица, постепенно превращаетъ ихъ въ механизмъ для созданія новыхъ сенсационныхъ цѣнностей.

„Газета-Копейка“, „Всемирная Панорама“, „Маленькая газета“, „Синій журналъ“, и нѣкотор. др. идутъ по вѣхамъ развитія европейской бульварной прессы и, повидимому, придутъ къ полному разрыву съ высшими сторонами человѣческой души, т. е. превратятся въ „желтую прессу“ съ литературными неграми.

Silentium.

Поэтъ ласки и большой любви.

Иванъ Прудовскій.

Не такъ давно русская литература, а съ нею и вся читающая Россія справляли грустные поминки, печальный десятилѣтній юбилей смерти Антона Павловича Чехова. Казалось волна общественнаго подъема смѣла если не навсегда, то на очень продолжительное время угрюмые, хмурые образы чеховскаго творчества. Монотонная, грустная жизнь уходила. На смѣну ей сверкали яркие лучи, раздавались торжественныя гимны „великой любви, радости и счастью бытія“... Но слишкомъ рано появились весенніе пѣвцы. Суровые морозы русской зимы убили пѣвцовъ и ихъ красивыя пѣсни. И въ десятую годовщину смерти писателя передъ нами вновь рѣются хмурые, угрюмые лица чеховскихъ героевъ, въ десятую годовщину также властно владѣютъ нами эти образы. „Лучше не жить, чѣмъ такъ жить“—заявляютъ воскресшіе мертвецы безвременья и ледянымъ холодомъ передъ ужасомъ жизни вѣять отъ ихъ лицъ и движеній.

И этотъ ужасъ, эта улыбка удивленія передъ тайной жизни во всей своей силѣ отразилась на русской литературѣ. Передо мной нѣсколько книгъ Бориса Лазаревскаго.

Грустныя книги! Но грусть ихъ какая то тихая, любовная, та, что лежитъ на всемъ творествѣ В. Лазаревскаго. Влюбленный въ жизнь, въ ея мельчайшія проявленія, съ улыбкой удивленія и какого то тайнаго испуга останавливается онъ передъ великой загадкой—тайной любви и смерти. Поэтъ великой любви и ласки, поэтъ всеѣмъ существомъ своимъ упивающійся красками жизни, съ нѣмымъ удивленіемъ останавливается на грани бытія и „непостижимой сферой небытія“.

Его герои несчастны. И это несчастіе усиливается еще больше тѣмъ, что они, какъ и самъ творецъ безумно любятъ жизнь. Но на самой высочайшей точкѣ сознанія своего счастья, осу-

ществленія мечты, что то чуждое, неясное, неумолимое врывается въ ихъ существованіе. И безчеловѣчно разбивается кумиръ, какъ дымъ разлетаются надежды, ломаются молодая, добрая, сильная жизнь. Смерть кладетъ свое властное вето и съ безсильной злобой, немимъ укоромъ останавливается беречь нимъ человѣкъ. Таковъ телеграфистъ, накануне своей свадьбы спѣшащій къ невѣстѣ и раздавленный паровозомъ. Такова Сережа изъ разск. „Жизнь и Смерть“. Таковъ послѣдняя большая повѣсть „Дальній Край“ и „Возлѣ берега“ повѣсть о любви и смерти. Тихая грусть овладѣваетъ читателемъ съ первыхъ строкъ ея. Чувствуется, что герои повѣсти будутъ несчастны. Но не человѣческія желанія, не уродливость человѣческихъ отношеній, не жизнь ибо—сама по себѣ она прекрасна, сдѣлаютъ ихъ несчастными, а какой то злой, неумолимый рокъ. Что-то непостижимое, несознаваемое ворвется въ ихъ жизнь и разрушитъ взлѣянные грезы. Случайно встрѣтились они, заранѣе обреченные. Она уже разъ любила. Онъ впервые отдается властному зову любви. Колоритными, сочными, любовными красками рисуетъ В. Лазаревскій тихую, радостную поэму любви. Но уже инстинктивно сознаешь, что-то грозное, непонятное близко, что оно зорко стережетъ обреченныхъ на высотѣ ихъ взаимнаго счастья. И вотъ пришло... нелѣпое, чудовищное, ненужное и костлявой рукой смерти разрушило дивную сказку любви, разбило радость мечты.

Кругомъ кипитъ жизнь. Кругомъ шумъ строительства новой жизни и „возлѣ берега этого строительства“ погибаетъ она. А онъ... какимъ то чудомъ спасшійся, разбитый, обнищавшій, выбрасывается за бортъ жизни. И жестокой чеховскій приговоръ: „лучше не жить, чѣмъ такъ жить“, чувствуется въ разбитомъ сердцѣ героя.

Ясными, простыми словами набрасываетъ Ла-

заревскій свои повѣсти и рассказы. И въ простотѣ и „жестокости, вѣшняго острая боль обиды; и въ непонятности происшедшаго горечь бѣдной жизни“. Отъ облаканныхъ жизнью рассказовъ, отъ шелеста сухихъ листьевъ, отъ порывовъ къ „большой любви“, къ высокому небу, отъ радости счастья, подъ легкой стопой любви бѣгущаго отъ ужаса смерти, вѣтъ глубокой

печалью. И въ этой тьмой печали поэта чувствуется языческая любовь къ жизни, ея вѣчная томная ласка и зовы къ великой большой любви, и молчаливая покорность передъ неизбежнымъ, и нѣмой удивленный вопросъ:

„Зачѣмъ такъ часто погибають прекрасныя, нѣжныя существа и такъ долго иногда живутъ тупыя и холодныя?“... (Разск. „Жизнь и Смерть“)

Ильядий Прудовскій.

По поводу статьи И. Лебединова „На грани“.

Silentium.

Побѣдно-грустная пѣсня одинокаго коробейника и пѣсня древняго гуслира въ оперѣ „Русланъ и Людмила“—символическія пѣсни русскаго народа о русской интеллигенціи съ ея двумя трагическими полюсами: общественность и *silentium*.

Какъ одинокій коробейникъ, несетъ она, надрываясь, бремя тяжелое съ 70-ыхъ годовъ, предлагая ему, народу, всѣ богатства своей души, входитъ въ соприкосновеніе съ нимъ и все-таки поетъ побѣдно-грустную пѣсню. Въ пѣснѣ гуслира она и пастухъ и герой. Наина равно отвергаетъ и свирѣльшущаго въ себя среди стада пастуха и мечъ позабывшаго себя героя.

И намъ, учащейся молодежи, т. е. той части интеллигенціи, которая впитала въ свою душу холодъ обоихъ полюсовъ на протяженіи 50-ти лѣтъ, пора сдѣлать кое-какіе выводы.

1. Человѣческая жизнь укладывается въ рамки жестокой триалы: теза, антитеза и синтезъ, гдѣ тезой служитъ общественность, антитезой—разобщеніе, а синтезомъ—безвольное созерцаніе дѣйствительности. Авторъ статьи „На грани“ (№ 7 „Сѣвернаго Гуслира“)

И. Лебединовъ, по-моему, жестоко ошибается, разрѣшая жестокою триадою синтезомъ—самоубійства. Воля къ жизни даетъ непрерывныя страданія; преодолевъ страданія при героизмѣ путемъ перехода къ разобщенію съ той же волей, но направленной каждымъ въ самого себя, личность превращается въ коробейника съ пустой общественной „коробушкой“ и съ побѣдно-грустной пѣсней о несліянности душъ и т. п. проклятыхъ вопросахъ болѣзненно-утонченной современной личности. Единственный выходъ изъ этой антитезы—безвольное созерцаніе, динамически-выросшее, т. е. неотъемлемое постоянное. Лучшие современные художники слова творятъ, временно отрѣшаясь отъ дѣйствительности. А сторонники г. Лебединова навсегда отрѣшены, слѣдовательно, ихъ души при такомъ синтезѣ—всегда поэмы, всегда художественныя произведенія. Кто хочетъ, пусть творитъ, не для славы, не для имени (надо быть самимъ собой), а для реальнаго отраженія отрѣшенности. Пусть реальность будетъ отблескомъ, символомъ этого синтеза. Непониманіе окружающими намековъ подъ покровомъ тайны будетъ говорить о преодолѣніи холода

двухъ полюсовъ и, какъ зеркало, будетъ отражать нереальность съ ея вѣчной весной, вѣчнымъ солнцемъ и съ конечною цѣлью: никто, ничей съ душою нигдѣ. Кто не хочетъ, можетъ сжечь динамически-пробужденный талантъ въ неизреченныхъ поѣмахъ. Назначение воли—заставлять придумывать. Г. Лебединовъ пишетъ, что только „любовь-пониманіе, любовь-слиянiе, могли бы спасти меня отъ смерти“; но души неслиянны, потому что душа нигдѣ; дѣвушка въ голубомъ—это только одно изъ его старыхъ представленій „юности“, а такъ какъ сама юность—ничто иное какъ представленіе болѣе зрѣлаго „я“ г. Лебединова, значитъ, дѣвушка въ голубомъ есть только представленіе представленія, а не самого г. Лебединова въ данный моментъ; у него воображеніе въ бездѣйствіи, и, несомнѣнно, онъ могъ бы придумать еще лучше.

2. Изображеніе судьбы отдѣльной личности важнѣе изображенія жизни массы. При антитезѣ душа иногда бываетъ въ листьяхъ крапивы, и мы начинаемъ понимать, напр., что идеи: человечество, отечество, партія и т. д. превращаютъ человѣка въ мостъ, что мы, они и вы—три сестры слѣпыя. А будемъ понимать еще больше, потому что омертвѣніе духа бываетъ только

при тезѣ—общественность. Выводъ отсюда такой: избѣгать чтенія реалистической литературы ради гигиены мозга, а на чтеніе газетъ смотрѣть, какъ на антиобщественную прививку. Читать только символическіе стихи и сказки.

3. Самоубійство—местъ общества тѣни „я“. Общество Наполеона и Гарибальди обратило въ своихъ рабовъ, а меня, индивидуалиста, несмотря на общественный характеръ воспитанія и образованія, не смогло. Воля, подъ влияніемъ идеи общественности, и толкаетъ на самоубійство, слѣдовательно, оно признакъ безсилія. Чѣмъ хуже, тѣмъ лучше, т. е. чѣмъ хуже дѣйствительная жизнь, тѣмъ человѣкъ лучше придумываетъ. Г. Лебединовъ упустилъ изъ вида, что нищій бываетъ богаче миллионера, когда говоритъ: мнѣ ничего, и отъ меня имъ то же. „Подаяніе кланчить“ не придется; во-первыхъ, бесполезно: у обоихъ враговъ умерла идея состраданія; во-вторыхъ, у нихъ нѣтъ того, что нужно „нищему“. Необходимое для меня во мнѣ, а его реальное воплощеніе преждевременно и будетъ тогда, когда я захочу придумать: тише ѣдешь, дальше будешь, а общество, на оборотъ, чѣмъ дальше, тѣмъ тише.

Вотъ то наиболѣе важное, что я хотѣлъ отвѣтить г. Лебединову.

А. Туфановъ.

* * *

Я пришелъ на зовъ, какъ было въ маѣ...

Но мелькали пасмурныя лица,—

А тебя, о дѣвушка родная,

Не увидѣлъ преданный твой рыцарь.

И напрасно въ долгомъ ожиданьи

Я топталъ безцѣльно мостовую...

Но смотри же: на другомъ свиданьи

Я тебя до боли зацѣлю!

Иннокентій Оксеновъ.

Я И ТЫ ВЪ ТѢНЯХЪ И ОНЪ ВЪ МАСКѢ.

Трагическій символъ *).

Посвящается Последнему Предчувствію Моей Мечты.

А. Туфановъ.

С ц е н а I.

Горное ущелье. Глубоко внизу, въ пропасти, шумитъ потокъ. На скалѣ неподвижная Тѣнь „Я“. Вечеръ. Гдѣ-то вверху клекчетъ орель.

ТѢНЬ „Я“. Шумитъ потокъ въ безвольной глубинѣ,
Зовя къ сиянью въ жертвенномъ огнѣ...
Къ чему?... Чтобъ вновь мимозный листопадъ
Сюда привелъ въ смятенно-пѣнный адъ?
Не лучше ли орломъ застынуть мнѣ,
Чѣмъ тамъ внизу, въ долинѣ, при лунѣ
Кукушкой пѣть, скрываться и молчать,
Души моей суровую печать
Забуть порой въ сердечной быстринѣ,
Для лѣса тамъ въ беззвучной тишинѣ
Придумать двоезвучный тотъ нарядъ,
Когда цвѣты желтѣютъ и горять?..

Появляется женщина въ синемъ. Тѣнь „Я“ вначалѣ ея не видитъ, потомъ молча смотритъ; отъ его взгляда ея сердце дѣлается блѣдно-синимъ, превращая ея въ Тѣнь „Ты“.

ЖЕНЩИНА ВЪ СИНЕМЪ. Въ долинѣ слѣпнуть. Солнце ты унесъ
Въ ущелье лунныхъ, одинокихъ грезъ.
Тотъ знаетъ только свѣчи вечеровъ,
А ты молчишь далекомъ, жестокомъ, суровомъ.

ТѢНЬ „Я“. Морякъ любви, искалъ тебя вездѣ
И понялъ, что душа моя нигдѣ.
Я умеръ и, воскреснувъ, сталъ ничей,
Когда однаждъ прожурчалъ ручей.
Что сердце синимъ стало у тебя
Для третьяго...

*) Изъ сочувствія къ органу „молодой надпартийной интеллигенци“, я, поэтъ Эго-Центристъ— печатаю трагическій символъ. Это—поэма; она короткая и написана въ одинъ вечеръ на островѣ въ морѣ; при чтеніи надо думать, искать втораго содержанія; въ ней -- не все, только намеки прѣтенія души, значить надо доп. лять недосказанное, творить.

А. Туфановъ.

ЖЕНЩИНА ВЪ СИНЕМЪ.

А если не любя

Того, я съ звонами весны
Приду къ тебѣ, могу ли сны
Вернуть, тебя изъ ада взять
И морю возвратить опять?

ТѢНЬ „Я“ (Долго и растерянно думаетъ, потомъ съ выраженіемъ безпомощности):

Не знаю, кѣмъ съ тобою быть
И какъ въ тебѣ мечту любить?
У васъ давно я сталъ никто.
Скажи мнѣ, что въ тѣни не то?
Быть можетъ сердце?...

ЖЕНЩИНА ВЪ СИНЕМЪ (При послѣднихъ словахъ вдрагиваетъ, вспоминая о своемъ больномъ ребенкѣ въ долині).

Да, оно...

Сомнѣнъемъ вѣчнымъ зажжено,
Какъ мой ребенокъ тамъ больной,
Виситъ завѣсой между мной
И солнцемъ. Взоръ мой отъ него
Бѣжить...

ТѢНЬ „Я“.

Ребенка своего

Не хочешь видѣть?!.. Какъ и я
Въ чужой ты маскѣ бытія!

(Увлекаясь и не глядя на нее).

А я хочу... Въ двухъ зеркалахъ
Умножимъ огненный свой флагъ...

(Прижимая руку къ сердцу и думая о ребенкѣ)

Ни въ чемъ ему отказа нѣтъ...
Ты для него хвосты кометъ
Серпомъ венеры иль луны
Отрѣжь для вѣра. Въ челны
Бросай всѣ звѣзды, какъ сирень...

ЖЕНЩИНА ВЪ СИНЕМЪ (Въ тревогѣ). А солнце?...

ТѢНЬ „Я“.

Солнце—пусть олень,

По снѣговымъ вершинамъ горъ
На Млечный Путь подъ звѣздный хоръ
Летящій въ творческомъ огнѣ
Въ той бирюзовой глубинѣ....

ЖЕНЩИНА ВЪ СИНЕМЪ. А землю тоже я, какъ мать,
Ему должна въ забаву дать?

ТѢНЬ „Я“.

Земля?! Да ты ему скажи:
Ее волчкомъ всегда кружи.

(Дальше съ тихой серьезностью).

Но только пусть ребенокъ самъ
Устроитъ гибель всѣмъ мостамъ.
Скажи: вотъ ножницы, вода,
Бумага, въ фонари слюда,
И, приклеивъ къ волчку водой,
Ты заведи, а самъ звѣздой
Падучей въ мигъ тотъ пролети...

ЖЕНЩИНА ВЪ СИНЕМЪ.

(Растерянно). Не помню, какъ теперь ити
Туда въ долину, гдѣ живетъ
Тотъ третій, чья душа не ледъ?
Обрѣзать для тебя какъ нить?
Въ ребенкѣ какъ ту тѣнь убить?
(Прислушивается и говорить раздраженно).

Молчи! Я слышу сердца плачь
Не здѣсь, а тамъ. Да ты палачъ:
Твоей надежды каждый лучъ
Звенить надъ саваномъ! Дай ключъ
Твоей тюрьмы!...

ТѢНЬ „Я“.

Меня замкнешь?!

О нѣтъ, ко мнѣ опять придешь...

Женщина въ синемъ скрывается въ долину. Тѣнь „Я“ долго молчитъ.

Темнѣетъ. Звѣзды вспыхиваютъ между вершинами горъ. Обращаясь къ звѣздамъ.

У меня ослѣпла птичка въ клѣткѣ,
Въ сердцѣ солнца лучъ у ней погасъ,
Днемъ виситъ на проволочной сѣткѣ,
А въ ночной тиши поетъ безъ глазъ.
Научу, какъ видѣть солнца звоны,
Видѣть звѣзды въ сердцѣ огневомъ...
Мнѣ несчастье каркаютъ вороны,
Я спокоенъ въ замкѣ голубомъ.
Есть уже несчастье: въ обѣщаньи
Оборвать изъ ада мысли нить,
Чтобъ любовь и смерть въ часы молчанья .
Проплясали: третьему не жить.

Дальше два первыхъ слова едва слышно, трагически, въ нихъ центральное мѣсто трагедіи. Ревность—пережитокъ, у него возможна только боль при листопадѣ, т. е. при опаденіи придуманнаго имъ наряда и смерти. Онъ чувствуетъ, что вѣтъ листопада и нельзя снова придумывать и что онъ одинъ.

Листопада нѣтъ, и сердце бьется рѣдко;
Какъ часы на башнѣ вѣковой;

Опускаю въ клѣтку солнечную вѣтку:
Пусть услышитъ сна весенній бой.

Подходить къ обрыву и, прислушиваясь къ шуму потока:

Раздается протяжно-медлительный стукъ
На границѣ забвенья огней,
Одинокій въ немъ слышенъ безмолвный испугъ
Передъ кубкомъ несолнечныхъ дней.
Ледяною струею по темени бьетъ
Быстрокрылье сожженныхъ годовъ,
Одиночество гнѣзда могильныя вьетъ
Для того, кто стучить: не готовъ.
Для него и куранты на башнѣ поютъ—
Часовые безъ смѣны въ сто лѣтъ,—
Общая стучащему тихій пріютъ,
За безмолвье въ аду бѣлый пледъ

(Смѣется надъ собой).

Позабыли глухіе святой твой [амвонъ...

(Въ тревогѣ).

Отъ тюрьмы голубой гдѣ ключи?

(Спокойно).

Если сердце—струны замирающій звонъ,
Позабудь, отдохни, не стучи.

Въ горахъ слышны легкіе раскаты надвигающейся грозы. Тѣнь „Я“ въ безсиліи ложится на камни. Во время грозы забывается и, прислушиваясь къ ударамъ грома, слѣдя за изломами молній, засыпаетъ.

С ц е н а II.

Утро въ горахъ. Солнце играетъ въ дождевыхъ капляхъ на цвѣтахъ рододендроновъ и азалій. Тѣнь просыпается, подходитъ къ цвѣтамъ азалій, смотритъ молча, а затѣмъ въ тоскѣ, прикасаясь къ цвѣтамъ:

ТѢНЬ „Я“.

Я имени опять не знаю,
Всегда молчу
И днемъ при солнцѣ зажигаю
Мечтѣ свѣчу.
Всегда я сонъ во снѣ Леилы,
Ничей, никто,
Дрожу у вырытой могилы,
Когда не то.
Она—мечты моей свѣтлѣе:
Молилъ, молюсь,
Но, сонъ во снѣ, какъ на землѣ я
Ея коснусь?

Нѣтъ! Не хочу во снѣ быть тѣнью,
Теперь пойду,
Скажу ей: ты цвѣтешь сиренью.
Въ моемъ саду...

Спускается по склону горы. Кукушка въ лѣсу поетъ по четыре двоезвучія съ маленькими паузами. Онъ смотритъ въ ту часть небосклона, гдѣ утромъ бываетъ Венера. Какъ бы дразня кукушку, онъ весело напѣваетъ по четыре ямба

Качай меня, Венеры челнѣ,
Баякай пѣсней синихъ волнѣ.
Къ небытію—молчанья путь,
Безмолвный зной спалить мнѣ грудь.
Хочу придумать. Мой олень,
Едва твою увидитъ тѣнь.
По ледянымъ утесамъ горъ
Всю ночь подъ тихій звѣздный хоръ.
Несетъ къ Венерину челну,
Чтобъ я зеркальную волну
Придумалъ снова для мимозъ
И съ лампой къ листьямъ ихъ привезъ
(Послѣ небольшой паузы),

Ку-ку, ку-ку, ку-ку, ку-ку,
Лети изъ лѣса къ челноку...
Венеры челнѣ, качая, пой,
Часовъ воздушныхъ вѣчный бой
Ты заглуши. Вѣдь я всегда
Твоя падучая звѣзда.
Могу придумать, промелькнуть,
Потомъ—къ тебѣ, чтобъ вновь блеснуть,
Я солнце полюбилъ въ челнѣ,
Всегда горю въ его волнѣ...

(Окончаніе въ слѣдующемъ №-рѣ).

А Туфановъ.

Б р е д ъ.

Антонъ Новшъ.

(Философскій символъ).

Я одинъ. Во всей квартирѣ я одинъ.
Сумракъ. Въ паркетъ подозрительные трески.

Нѣтъ-нѣтъ да и треснетъ. Треснетъ сухо-противно, до боли въ нервахъ и опять тихо. Это было и раньше и особенно неприятенъ былъ этотъ трескъ вначалѣ. Сухой противный, но скоро къ нему привыкли и его почти не замѣчали.

Теперь онъ опять неприятенъ и нервы отъ него жутко дрожать. Я въ кровати, лежу съ открытыми глазами, вижу вораха старыхъ газетъ, кипы ненужныхъ журналовъ и свѣтъ лампы. Тусклый безмолвный. Слышу рѣзкій трескъ.

Мнѣ хочется, но я не могу, уснуть.

Трескъ мѣшаетъ. Закрываю плотно глаза и силюсь задремать, но противные трески будятъ внезапно рѣзкимъ диссонансомъ,— бередятъ паутинки—нервы.

Вотъ опять трескъ... точно палку сухую переломилъ—кто... И опять тишь. Жуткая большая тишь.

... Разъ мнѣ удалось проспать сутки. Ровно сутки—отъ пяти до пяти...

А-а-а-а... а-хъ!.. Засыпаю... Мнѣ хочется подмѣтить тотъ моментъ, когда я засыпаю. Перехожу изъ одного міра въ другой.

Вѣроятно рѣзкой грани нѣтъ.

Мысль работаетъ медленнѣе, потому что замираетъ на мгновенье, переодѣвается что-ли тамъ и снова начинаетъ стучать моторъ,

но уже въ другой мастерской и въ другомъ нарядѣ.

Вотъ я слышу отдаленные трески, заглушенные, тупые и далекие, далекие. Они долетаютъ до слуха обрывками и въ затухающей, живой мысли творятъ какія-то возмущенія.

Живое сознаніе вспыхиваетъ рѣже-рѣже..

Трески глуше-глуше, мысль переодѣвается. Я не живу...

Что это? Будто, лампа моя коптитъ...

Ахъ, подлая, опять! Чуть прозѣвалъ и полно копоти... Тутъ ихъ не одна... много лампъ.

— Двѣ, три, пять, восемь...

— Развѣ это лампы? И откуда я взялъ, что это лампы? Это черныя дымовыя трубы какихъ-то огромныхъ фабрикъ. Ну, они пусть коптятъ.

— А моя мысль! моя шутовка мысль! какъ она смѣшна въ этомъ восточномъ нарядѣ. Вѣдь я знаю, что сплю и стоитъ мнѣ влѣзть, вонъ, на эту трубу и броситься внизъ какъ я тотъ-часъ проснусь.

— Зачѣмъ этотъ шутовскій нарядъ?

— Однако пусть.

— Интересно, кого она хочетъ одурачить?

— Развѣ, вонъ, тѣхъ, что копошатся тамъ, подъ горой...

— Однако, что это за люди?

— Что они дѣлаютъ? Посмотрѣть.

— И чего важничаютъ, смотрите, даже дѣти, какъ они серьезны и задумчиво - сосредоточены. Съ глубокими складками на лбу, они похожи на маленькихъ профессоровъ земли. Смѣшныя дѣти-люди, они вѣроятно думаютъ, что они чрезвычайно умны, что ихъ мiръ это совершенство, идеальный мiръ и желать лучшаго — преступленіе и вольнодумство.

— У нихъ праздникъ, новый годъ. Говорить моя шутовка мысль.— А мы съ тобой за много тысячъ лѣтъ впереди.

Смотри, удивляйся и помни—наша культура, культура...

— Годъ микро-медузы. Они зоологи. Каждый новый годъ у нихъ посвящается какому-либо открытію и зовется этимъ именемъ.

Гдѣ-то въ глуби стараго сознанія копошилась дробь мысли. Говорилось;

— А я уже знаю, что такое зоологъ! Я и зоологию помню! Старую земную зоологию. Только та, да и не та!

— Весь городъ зоологи и даже не городъ, все государство. Царство зоологовъ—шепчетъ большая мысль. И въ немъ живутъ только зоологи.

Ни физиковъ, ни астрономовъ, ни математиковъ здѣсь нѣтъ. Только зоологи. Специальное царство.

Ни Франці, ни Англи, ни Германіи давно въ поминѣ нѣтъ.

Только въ музеяхъ, за пыльными стеклами хитрыхъ витринъ, сохранились гладкіе черепа, да въ банкахъ цивилизованные мозги ихъ предковъ.

Большая мысль шепнула.

— Хочешь въ другое царство—къ химикамъ?

Тѣ живутъ въ землѣ. Астрономы на вершинахъ горъ.

Обособились. И не понимаютъ другъ друга.

— А поди тоже воюють? Какъ - то по земному спросилъ у мысли.

— И воюють, отчего-же не воевать. Воевать еще долго будутъ.

— 100 лѣтъ назадъ была кровопролитная схватка у физиковъ съ астрономами. Электрическими зарядами физики превращали въ пепель цѣлые города и только случайно, гдѣ-то, межъ горъ, въ долинѣ, уцѣлѣла одна маленькая обсерваторія.

Все погибло.

— А изъ за чего подрались? наивно спросилъ мысль, и дивился сказанному моей мыслью:—Откуда у нея такія знанія?

— Какую то жидкость... и не то, чтобъ жидкость, а такъ, какую-то дрянъ выдумали и хотѣли убѣдить, что правы, называя эту жидкость истиною. Тѣ не повѣрили, возмутились, загорѣлась борьба, кончившаяся такъ печально для астрономовъ.

— Чудно! Вырвалось у меня.

Тутъ прошелъ зоологъ держа въ рукахъ баночку съ какой-то тварью, которую онъ съ любовью рассматривалъ.

За нимъ бѣжали дѣти. Повидимому мальчикъ и дѣвочка. Мальчикъ звалъ ее Плазмой, она его—Полипомъ, взрослога, который былъ вѣроятно ихъ знакомый — они звали Зооспорой.

— Вотъ такъ наука! Вотъ-тѣ свѣтлое будущее!

Мнѣ стало холодно.

— Проснемся! шепнулъ я мысли.

— Рано, посмотримъ еще. Вильнула мысль.

Въ это время взрослый обронилъ книгу. Онъ не замѣтилъ этого. Не замѣтили и дѣти.

— Возьми, подсказала мысль! Я поднялъ.

И о, позоръ! это была зоологія... Холодковскаго.

Мы изглядѣли все царство зоологовъ. Были въ двухъ-трехъ музеяхъ, зашли отдохнуть.

— Скучища у нихъ какая! Сообщишь я мысли.

— Ни музыки, ни поэзіи у нихъ, по-видимому, нѣтъ.

— Да, у нихъ нѣтъ искусства. Мысль помолчала потомъ улыбнулась.

— Есть Царство Искусства, тамъ веселѣе.

— Проснемся и туда! Обрадовался я.

— Тамъ теперь тоже не ладно.

— Война что ли?

— Да, война. Грустно сказала мысль.

— Поэты съ художниками сдѣпились.

— Обособляются?

— Специализируются, да.

— Жаль футуристовъ не признали. По-нутить я.

— А что? Удивилась моя всезнайка, какъ-бы не понимая въ чемъ дѣло.

— Да было бъ лучше—наивничалъ я. Они проповѣдывали какъ разъ противное: смѣшеніе.

Предлагали переплести въ одинъ пестрый переплетъ, и живопись, и скульптуру, и музыку, и поэзію, и даже театръ.

— Было-бъ лучше, улыбнулась мысль.

— Проснемся! попросилъ я снова, но мысль стала больше и увлекала меня куда-то, точно въ темную-темную бездну, потомъ все пропало, я слышалъ только шумъ какихъ-то гигантскихъ водопадовъ и вой вѣтра, затѣмъ стало свѣтлѣе. И тутъ я увидѣлъ много-много старыхъ пней и сразу понялъ, что мы въ лѣсу...

Мы шли, а межъ нами былъ лѣсъ. Старый пнистый лѣсъ. Шагая черезъ валежникъ и корявые пни я дивился тому, что ни разу не споткнулся, мысль невидимо указывала путь, подсказывала куда ступать.

Въ лѣсу я разглядѣлъ много старыхъ гнилыхъ пней, истлѣвшихъ, съ ободраной-ржавой корой. Они безъ шума ломались подъ ногами, а на пняхъ росли грибы. Много росло грибовъ и старыхъ и молодыхъ и молодые быстро разлагались и старые скоро чернѣли и пожирались собственными червями.

— Застывшія истины!—услыхалъ я шопотомъ мысли. И почему-то подумалъ.

— Жалкіе. Гибните? такъ вамъ и надо! Я не пришелъ собирать васъ въ уютный кузовъ.

А цѣлыя колоніи грибовъ, большихъ и мелкихъ, на толстыхъ и жидкихъ ножкахъ лѣпились у старыхъ пней. Они жадно впились своими присосками въ гнилые пни и чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ больше пней встрѣчали по дорогѣ, но, странно, тѣмъ меньше росло на нихъ грибовъ.

— Сырости, что-ли меньше—подумалось мнѣ—или воздухъ хуже.

— Вотъ скоро у каждаго гриба будетъ свой пень—шепнула моя спутница—мысль.

А ночь все темнѣй, да темнѣй. Вонъ и деревья еле видны, только кое-гдѣ свѣтлымъ пятнышкомъ блеснетъ бѣлокурая березка и опять пни и снова тьма кругомъ. Снова пни.

Запахъ гнилыхъ пней плотнымъ саваномъ затянулъ лѣсъ, было трудно дышать, кружилась голова, но мы шли впередъ и почти не спотыкались.

— Отдохнемъ,—попросилъ я свою спутницу—мысль.—Вотъ тутъ, у этого молодого, еще не успѣвшаго загнить, пня; и трава есть и грибовъ мало — не успѣли

еще облѣпить. Но моя безумка меня не слушала, она юрко шмыгнула въ глубь лѣса, туда, гдѣ сверкали изумрудные молодые березки и, сорвавъ нѣсколько увядшихъ листьевъ, дала мнѣ пожевать.

— Подкрѣпись — шепнула съ улыбкой. И пойдемъ дальше, — тамъ впереди лучше, тамъ больше зелени, а скоро и утро... И мы пошли. — Странный лѣсъ? Зачѣмъ я въ лѣсу? И почему здѣсь такъ холодно и сыро, и пахнетъ гнилыми пнями? Почему? Думаль я, молча шагая за мыслью.

— А если не пойти за ней? Заблужусь? Блеснуло въ головѣ.

— Если спрятаться вотъ за этотъ пенъ, присосаться къ нему всѣмъ своимъ существомъ и ждать утра всю ночь въ лѣсу? А почему утра? Развѣ оно обѣщало прійти?

— Нѣтъ! Рѣшительно протестоваль во мнѣ кто-то.

— Остаться у пня? Ни за что!..

— Лучше пасть отъ усталости, чѣмъ гнить, у стараго пня и питаться корой и грибами. Долго мы шли. Порой я терялъ изъ виду свою спутницу и тутъ мнѣ становилось страшно. Одному въ лѣсу, ночью среди запаха гнили и старыхъ пней, страшно. Я напрягалъ зрѣніе и прыгалъ черезъ пни пока не догонялъ свою мысль.

— Но вѣдь это сонъ! Думаю я.

— Проснемся! — прошу я мысль. — „Тамъ“ лучше...

— Усталъ... улыбаются она, а сама идетъ — идетъ...

— Вотъ чудо... Я могу скоро проснуться, даже сейчасъ: отстану немного, чтобъ мысль не замѣтила, влезу, вопъ, на эту молодую высокую слочку, — брошусь внизъ и проснусь... Но можетъ быть скоро утро, и кончится этотъ страшный пнистый лѣсъ?.. И тогда не зачѣмъ просыпаться,

посмотрю какъ живутъ химики? Вѣдь мы къ химикамъ шли... Но и не къ химикамъ кажется?.. Куда то еще звала она меня... Теперь я потерялъ эту нить... Да, да, интересно, что впереди: проснуться, или ждать наступления утра, когда кончится страшный лѣсъ?.. Изрѣдка мы подходили къ зеленымъ березкамъ, срывали пожелтѣвшіе листки и жуя проглатывали. А лѣсъ становился таинственнѣе. Грибы у пней, казалось, шептали какія-то заклятья, давили — всползая одинъ на другого, и копошились совсѣмъ по змѣиному. Страшно было. Теперь у меня пропала охота присасываться къ пнямъ и ждать утра въ лѣсу. Я старался не потерять изъ вида свою спутницу. Я зорко слѣдилъ за ней, мелькавшей точно птица, межъ густыхъ зарослей какихъ-то удушливыхъ травъ и колючаго кустарника. Скорѣй бы разсвѣтъ. скорѣй на поляну, гдѣ нѣтъ пней, нѣтъ грибовъ!

А лѣсъ становился таинственнѣе, страшнѣе, и шумомъ шумѣлъ, какъ передъ грозой на землѣ. Чудились шорохи, слышались шопоты и волны свѣжаго вѣтра шумѣли подъ моимъ тѣломъ. Мысль шла впереди и какъ будто смѣлѣе блестяли ея таинственные глаза. — Ужъ близокъ разсвѣтъ! — говорили въ нихъ искры. — Скоро-скоро заблеститъ румяная зорька и мы пришли. мы проснемся! Тутъ я оглянулся назадъ и въ ужасѣ чуть не окаменѣлъ: съ нами шли...

Шли по пятамъ настигая насъ и у каждаго впереди шла своя мысль. Шли бодрой поступью, съ горящими глазами, съ широко раздувшимися ноздрями, усталые, но съ сияющими лицами и въ нихъ я читалъ близость Разсвѣта...

— Не пугайся и не останавливайся. — Шепнула моя мысль.

— Не останавливайся ни на мгновение —

раздавать. Ты видишь ихъ вдохновенныя лица, ты слышишь ихъ горячее дыханіе на своей спинѣ, но только не останавливайся, не то растопчутъ тебя подъ ногами!

Я видѣлъ, какъ они ломали и давили своими тяжелыми сапогами старые пни, рассыпая въ пыль старые грибы. Иные изъ нихъ осторожно обходили, но пней и грибовъ было такъ много, что нельзя было обойти всё, т. к. и идущихъ были тысячи. Мнѣ почему-то стало радостно — весело. Или отъ того, что я не одинъ, или отъ того, что идутъ той-же дорогой и мы вмѣстѣ придемъ въ разсвѣтъ, но мнѣ было безумно весело, хотѣлось пѣть.

Прежній страхъ исчезъ. Мысль бодро шла впереди, и съ нами шли люди, шли такъ-же, какъ и я въ Разсвѣтъ.

Первая искра зари блеснула въ очахъ моей мысли и я понялъ, что мы вѣрно идемъ, что мы—у цѣли.

— Хочешь проснуться? Пошутилъ я съ собой и тутъ-же чуть не крикнулъ—нѣтъ!

— Не хочу! Я хочу въ Разсвѣтъ! Я хочу спать!

Но я зналъ, что проснуться надо и сознание этого угнетало меня.

— Зачѣмъ, теперь, когда я только у по-

рога Разсвѣта—я долженъ переходить въ другой міръ...

Съ нами шли. Все ближе и ближе. Вотъ, какъ спортсмены мускулистыя и стройныя они нагоняли меня и уже шли по пятамъ... Моя мысль... Гдѣ моя мысль? Я не узнаю ея! Боже, моя мысль стала старушкой. За эту страшную ночь въ лѣсу она стала старушкой; съ ужасомъ вижу я эти серебристыя нити въ ея красивыхъ волнистыхъ косахъ. Но она радостна, ибо она и „тамъ“ поведетъ меня впередъ-впередъ. Въ лѣсу страшный шумъ. Цѣлыя милліоны людей идутъ черезъ пни, идутъ розовыя сіяющіе въ Разсвѣтъ. А Разсвѣтъ наступаетъ. Сквозь просвѣты деревьевъ звенитъ первый лучъ солнца и милліонами искръ блестятъ глаза новыхъ пришельцевъ. И солнце ждало ихъ. Давно ждало и ласково встрѣтило сіяющихъ недѣлныхъ. Теперь я видѣлъ толпы впереди себя, но они прошли не тронувъ меня—обошли.

— Проснемся! сказала мысль и прыгнувъ въ меня—„Я“ проснулся...

На столѣ догорала лампа. Въ окно лучился свѣтъ праздничнаго утра. Въ наркетѣ по прежнему слышались трески...

Антонъ Ковиъ.

Луны невнятной
Превратный ликъ
Роняетъ пятна
На половикъ,
На бѣглый мигъ...
Мигъ благодатный.

Въ душѣ печальной
Кристалльный свѣтъ
И триумфальный
Возникъ— и нѣтъ:
Пропалъ и слѣдъ
Луны хрустальной.

Ал. Крестинскій.

Симфонія жизни.

Анна Авдѣйчикъ.

Тихо зазвучали, запѣли струны Безко-
вечнаго. Изъ темной бездны вылился но-
вый аккордъ. И въ немъ открылось, что
таить въ себѣ будущее.

И налилась вѣчная поэма—поэма Жизни
и Смерти. И каждый звукъ мгновенно уми-
ралъ, ударяясь въ вѣчность.

Вотъ какова была она, эта поэма.

Глухо рокотали валторны и фаготы. Бы-
стрымъ дождемъ струились звеняція флейты.
Бурно, безстыдно рвались онѣ впередъ, об-
гоняя и заглушая другъ друга.

— Но въ безумной страсти зарождалась
новая, неизвѣстная жизнь.

Тихо, крадучись, умолкла флейта. Сте-
пенно стала отставать валторна. И, стыдясь
своего одинокаго баса, замеръ фаготъ...

Но вотъ тишину прорѣзали стоны вы-
сокой скрипки.

Кто-то безжалостно терзалъ нѣжныя
струны.

— Это были первыя муки жизни, муки
появленія на свѣтъ...

Мягче звучитъ скрипка, свѣтлой радостью
дрожитъ на высокой нотѣ,—и новая, без-
мятежная мелодія розовой волной напол-
няетъ воздухъ...

Долго звучала она, такъ долго, пока
на голубомъ небѣ не сошлись и не стуси-
лись сѣро-черныя облака.

Вновь властно загудѣла валторна, —

вѣстница бури,—подруга неизвѣстнаго — и
запрыгали захохотали звучныя ноты, сли-
ваясь съ тьмой, дождемъ и громомъ...

И смолкла буря. Смолкло бѣшеное, зло-
радное ликованіе. А на смѣну ему, печально
негодую, зарыдали трубы, сисясь высказать
недосказанное.

— Дань юности, лебединая пѣснь
грезъ...

И неудержимо помчались, заструились
звуки. Захотѣли наполнить собою весь міръ,
заглушить все, и усталые замирали въ ти-
хомъ шопотѣ. И только слышался ихъ зло-
горькій смѣхъ,—смѣхъ надъ собою.

— Такъ оплакана была молодость.

И долго молчали звуки. долго, пока
молчала душа. Рѣзкій вѣтеръ срывалъ то-
скливую жалобу и быстро смолкали они до
новаго порыва.

Но когда силъ не стало молчать, когда
вновь окрѣпли струны, — грянула новая
пѣснь. Жгучей волной захлестывала она все
на пути и рвалась дальше и дальше, топя
и губя все на пути въ своихъ горячихъ
звучахъ.

И уже стонали рвущіеся струны, смол-
кали хрипяція трубы, а пѣсня все мчалась
впередъ, боясь конца,—боясь Неизвѣстнаго.

А оно уже подошло и томило своей
цѣпкой, жуткой близостью...

Но порвалась послѣдняя струна, но прохрипѣлъ послѣдній басъ, и смолкло все въ падвинувшихся сумеркахъ,

Насталъ закатъ. Послѣдніи золотой закатъ. И умирающіе звуки жадно поглотили всю тишь предзакатной Мечты — послѣднихъ отъ звуковъ минувшаго и звавшаго.

И раздались новыя звуки чужіе, печально холодныя. Спокойно и долго говорили они. И въ журчащемъ разсказѣ, въ

медлительно застывшемъ покоѣ звучалъ лейтъ мотивъ жизни и невѣдомаго:

— „Такъ надо“.

И смолбаль страхъ, и смѣшными казались минувшія грезы и скорби.

„Такъ надо“, — съ суровой важностью говорили затихающіе звуки.

А тамъ, въ дали рождались новыя поэмы, звучали новыя грозы, умирали отзвучавшія пѣсни...

„Такъ надо“ ...

Анна Авдѣйчикъ.

* * *

Другъ дорогой, не ищи идеала
Въ спутницѣ рѣзвой твоей:
Если-бы сердце твое только знало,
Сколько неяснаго въ ней!

И не смотри ей въ глаза такъ глубоко—
Могутъ глаза обмануть...
Лучше взгляни, какъ привольно—далеко
Твой пораскинулся путь:

Страшенъ, тяжелъ онъ, и дивно—чудесенъ,
Какъ фантастичный разсказъ,
Много на немъ удивительныхъ пѣсень,
Много задумчивыхъ глазъ.

Спутницу, другъ мой, спроси осторожно:
„Знаешь, о чемъ я грущу?“
— „Знаю,—отвѣтить,—вѣдь такъ-же тревожно
Я идеаль свой ищу“...

Татiana Б.

О стихахъ.

А. Туфановъ.

Когда улица слушаетъ прелюдию къ сценѣ въ комнатѣ графини оперы „Пиковая Дама“ Чайковского, то эмоциональные отзвучія души художника толкаютъ ее на сравненіе отдѣльныхъ музыкальныхъ фразъ со скрипомъ несмазанныхъ осей тележки; подъ „Moment musical“ Шуберта прибалтійскія нѣмки вяжутъ чулки, подъ симфонію Бетховена улица засыпаетъ. Талантливые композиторы пишутъ музыкальные произведения для немногихъ, для которыхъ музыка — временное утѣшеніе, чтобы жить, отраженіе чистыхъ идей. Божественная Айседора Дунканъ этихъ немногихъ учитъ музыку еще видѣть; въ ея пластическомъ выявленіи „Moment musical“ мы видимъ, какъ на сцену сходитъ Никто съ душою Нигдѣ — поэтъ, видимъ его зажженную солнцемъ душу, устремленіе къ слиянію при забвеніи рокового Нигдѣ и трагическую тѣнь въ зеркалахъ, а потомъ въ мажорной части конца — творческое безволие и священное прикосновеніе къ звездамъ.

Недоступная форма воспріятія спасаетъ художника отъ общенія съ улицей. Но слово — не музыкальный звукъ; его понимаетъ каждый и понимаетъ, вкладывая свое содержаніе; напримеръ, критикъ уличной газеты въ Пеллеасѣ и Мелизандѣ ничего не видитъ, кромѣ флирта барыньки, влюбившейся въ брата своего мужа. Улица по природѣ нагла, а наше „тамъ внутри“ — стыдливо, трагически-величественно. Предомой три сборника стиховъ, въ большей части ихъ нѣтъ второго, скрытаго содержанія, они просты; значить, при чтеніи улица обратитъ ихъ въ полуоткрытую женскую купальню, а сама сидеть въ кусты.

Надо будить фантазію, не оставлять ее въ бездѣйствіи, толкать къ творчеству. Это основ-

ной законъ всехъ искусствъ, законъ тайны. Въ каждомъ стихотвореніи должно быть скрытое, второе содержаніе, дѣлающее его бессмертнымъ, а второе содержаніе возможно только при символизации. Слово перестало быть равносильнымъ содержанію нашего внутренняго опыта, а потому нуженъ символъ, не простота и не сложность путемъ разрушенія этимологии и синтаксиса, а интуитивное сопоставленіе рядовъ соответствій изъ великаго символическаго трактата — Вселенной.

Тогда у насъ отношеніе къ стихамъ будетъ вполне опреѣленнымъ. Стиховъ мало, а очень много рюмованныхъ фельетоновъ. За рюмованные фельетоны, всѣмъ понятные, улица будетъ ставить въ Александровскомъ саду памятники. А стихи — пусть для немногихъ, для воспріятія музыки глазами — тоже временное утѣшеніе и отраженіе вѣчныхъ идей. За стихи не должно быть памятниковъ, кромѣ кладбищенскаго съ эпитафией: здѣсь похороненъ Никто. Что можетъ быть для поэта оскорбительнѣе мысли, что послѣ его смерти надъ нимъ, безгласнымъ, совершатъ насиліе востановкой памятника, этого вещественнаго утвержденія, будто онъ не всегда былъ самимъ собой и былъ полезенъ обществу?

Послѣ этихъ общихъ положеній о стихахъ, перехожу къ разсматриваемымъ сборникамъ: 1) Татьяна Берманъ. Первые пѣсни. СПб., 1914 г., 74 стр., 60 к.; 2) Александра Гаврилина. Четвертая симфонія Чайковского въ стихахъ. Сборникъ стиховъ. Изд. Шевалье. СПб., 1911 г., 126 стр., 1 р. и 3) Н. В. Севастьянова. Prima cantina. Тридцать пять стихотв., СПб., 1913 г., 46 стр., 50 к.

*) Съ нѣкоторыми положеніями А. Туфанова согласны не всѣ сотрудничавшіе въ нашемъ журналѣ. Прим. редакци.

Въ сборникѣ Т. Берхманъ: 1) друго-го—дорога—не рима; 2) 31 стр. „множество воды“—не поэтический образъ; 3) 23 стр. „по небу“—удареніе на „по“; 4) 33 стр. „потуя“ удареніе на „ту“; 5) „Старое кладбище“—нельзя было включать въ сборникъ стиховъ. художе-ственный замыселъ—пеонъ 1-го вида и хорей. Веру послѣднюю строку: „Кротко, словно очи тѣхъ, кто съ нами жилъ“: кротко, словно—пеонъ 1-го вида, очи—хорей; слова: тѣхъ, кто съ нами—падаютъ опять на пеонъ 1-го вида, т. е. надо удареніе поставить на слово „тѣхъ“, а слова „кто съ нами“—проглотить, получается ошибка всѣхъ начинающихъ писать пеонами; помѣщеніе важныхъ въ логическомъ смыслѣ словъ на неударяемыя части стопы. Въ 11-ти мѣстахъ этого маленькаго стихотворенія нарушена пра-вильность ритмическаго движенія стиха.

Въ сборникѣ Н. В. Севастьянова: 1) 8 стр. „незамѣтно—искромѣтно“—рима отъ опечатки; при правильномъ написаніи теряется созвучіе въ ударяемыхъ гласныхъ основы; 2) 9 стр. „Передъ зарей“ написано пеономъ 1 вида съ хореемъ. То же неумѣнье пользоваться, какъ у Т. Берхманъ. „Въ брызгахъ—бриллиантахъ садо-вой фонтанъ,“ здѣсь „садовой фон“ падаетъ на пеонъ 1 вида, т. е. удареніе становится на са, а въ стихѣ „Все вокругъ проснулось. Вся при-рода ждетъ“—слово „Природа“ на неударяемой части стопы; 3) „Ландшапъ“—въ четныхъ сти-хахъ не соблюдень размеръ: 2 ямба и анапестъ, 3 ямба и 1 ямбъ съ 2 анапестами; 4) 34 стр.—„свой—проси“—низшая ступень звучности, обу-словленной одной гласной, такихъ римъ нельзя вносить въ стихъ; 5) Прощалася, задумалася—некрасивая манера пользоваться „ся“ вмѣсто „съ“; 6) 21 стр. „безпечальномъ—дальномъ;“ 7) за смертью въ взорахъ—сочетанія, неприятныя для слуха; 8) 13 стр. „Іюль“. „И мнилось мнѣ: мечты пугая оставь. Любишь и молишь!“ Въ этомъ стихотвореніи о нагой женщинѣ въ водѣ при-веденныя строки прозаичны. Для поэта тѣлес-ность—всегда духовная, молиться и любоваться только при преображеніи, при мечтахъ; безъ преображенія—уже созерцаніе, не достойное во-слѣдованія, не поэтическое.

Въ сборникѣ Александра Ганге-лина: 1) много опечатокъ; 2) неправильныя

ударенія, напр., въ картузѣ; 3) лишнія стопы въ стихахъ, напр., 11 вмѣсто 10 на 17 стр.; 4) кромѣ римы нѣтъ другихъ художественныхъ украшеній (ассонансовъ и аллитерацій), см. напр. на 82 стр. „Статуя Венеры“ въ 32 стиха, гдѣ всѣ четные стихи бѣдые; 5) обращеніе къ одинокимъ съ при-зывомъ къ общественно-политической дѣятель-ности; это не художественный, римованный фельетонъ (92 стран.); 6) вмѣсто римы ассонансы-аллитерации: бога—торга, громомъ—поклономъ; 7) построение строфъ не удовлетво-ряетъ требованіямъ симметріи (113 стр.).

Въ заключеніе о каждомъ сборникѣ необхо-димо еще сказать слѣдующее.

Стихи Татьяны Берхманъ интересны, какъ пси-хологическій матеріалъ о любви женщины. Муж-чина въ любви всегда фантазеръ, онъ при дум-ываетъ, а такъ какъ душа нигдѣ, то души несданны, и любовь, какъ психологическій про-цессъ возведенія земнаго образа къ запре-дѣльному первообразу, не возможна: жен-щина не умѣетъ любить. Стихи Татьяны Берх-манъ—поэтессы—своего рода иллюстрація къ этимъ положеніямъ. Въ стихотвореніи „Поэту“ она пишетъ: „Тебя я не люблю, давно люблю другого“... Въ этомъ стихѣ характерное непони-маніе природы любви мужчины и неизменное, земное въ самой женской любви. Для насъ, для мужчинъ, смыслъ этого стиха таковъ: онъ не-удачно при думалъ, она „умерла“ въ душѣ поэта и навсегда, потому что любить другого; онъ придумаетъ снова и ее же, но глубже, бу-детъ любить въ другой; она не любитъ, т. е. взяла отъ другого то, чего не помнить отъ пер-ваго; затѣмъ характерная особенность „звонить во всѣ колокола“ о любви и нелюбви, тогда какъ у мужчины это все скрытое, недосказанное, художественное, какъ въ искусствѣ, подъ покровомъ тайны, интимное, недоступное для взоровъ толпы. И что это за „царство грезъ, гдѣ не жи-ветъ тоска?“ Въ другомъ стихотвореніи на 60 стр. „Отъ меня не требуй клятвъ и увѣреній“ поэтесса идетъ дальше въ раскрытіи психологіи любви современной женщины. Здѣсь наиболѣе харак-терными являются двѣ фразы: „не проси при-знаній“ и „сдержу безъ страха вѣрности обѣтъ“. Современной женщинѣ чуждъ нереальный міръ; ее сердце фиксируетъ всегда минимумъ 2 образа

изъ міра реального, поэтому, а также отъ привычки анализировать каждое свое душевное движеніе, у ней вѣтъ „признаніи“. Общаніе же сдержанъ вѣрности обѣтъ (и почему „безъ страха?“) было бы неумѣстно вѣтъ реальности и вѣтъ неизменности переживанія.

О стихахъ г. Севастьянова слѣдуетъ сказать, что они съ вѣтшей стороны богаче стиховъ другихъ сборниковъ: у него есть и терцины, и сонеты, и триолеты.

Что же касается симфоніи г. Гангелина, то подобный опытъ — иллюстрировать музыкальное произведеніе—надо привѣтствовать. Въ предисловіи онъ пишетъ, что это его „индивидуальное впечатлѣніе“, поэтому я со стороны содержанія его не разбираю; несомнѣнно, мое индивидуальное впечатлѣніе совсѣмъ другое.

А. Тугановъ.

В о д о п а д ъ.

(Посвящается В. О. Снявиной).

Валерія Снѣговая.

Передо мной пѣнился и грохоталъ водопадъ. Безконечныя волны въ бѣшеннои пляскѣ кружились, сталкивались, снова разбѣгались и съ глухимъ стономъ разбивались о скалистые берега. Столбъ серебристой пыли стоялъ надъ пучиной. Волны бурлили, мчались съ безумной быстротой по узкой ложбинѣ, высланной полированнымъ валуномъ и разноцвѣтнымъ гранитомъ. Лишь далеко внизъ—вода постепенно замедляла свой бѣгъ. Съ коронкой бѣлой пѣны вдоль берега она изрѣдка слегка всплескивала, точно грустно вздыхала о чемъ-то дорогомъ, утраченномъ на вѣки.

Надъ водопадомъ былъ переброшенъ легкій мостъ. Ажурный, точно сплетенный изъ кружева, онъ казался хрупкой игрушкой, дѣтской затѣей, которая могла сломиться при малѣйшемъ неосторожномъ движеніи и рухнуть въ клокотавшіе волны. Казалось, что онъ не выдержитъ одного грознаго шума, который царилъ кругомъ.

Но такое впечатлѣніе создавалось обманомъ зрѣнія: мостъ крѣпко висѣлъ и переносилъ тяжесть десятка туристовъ, пестрой толпой разбросанной по немъ. Присутствіе

людей: черныхъ, рыжихъ, клѣтчатыхъ, всѣхъ цвѣтовъ и оттѣнковъ, модныя шляпы и часто неестественно — восторженные возгласы и жесты портили картину, уничтожали цѣльность впечатлѣнія. Полу-грустная, полу-сердитая вернулась я въ отель. Усталая, сѣла въ качалку и погрузилась въ думы... о чемъ?.. о водопадѣ. Я чувствовала въ немъ живую, трепетавшую душу, которая рвалась куда-то, за что-то боролась.

Медленно надвигались сумерки. Тишина, не давящая, а чарующая своимъ безмолвіемъ сквозила въ нихъ. Полная гибкой тайны, она навѣяла одинъ изъ лучшихъ моментовъ въ жизни человека; хотѣлось обнять весь міръ, простить и быть прощеннымъ. Хотѣлось слиться съ чистымъ дыханьемъ природы и легкимъ ароматомъ эфира струиться на истомленную страданьемъ землю. Тѣни сгущались и придавали окружающимъ предметамъ фантастическіе формы. Миѣ стало душно въ уютномъ номерѣ, потянуло на просторъ, къ водопаду. Его грохотъ, смягченный разстояніемъ казался рокотомъ струнъ гигантскаго инструмента.

Къ моему удовольствію ненавистныя фи-

гуры туристовъ исчезли. Водопадъ продолжалъ пѣть и лишь темныя сосны тихо шептались, качая зеленой короной. Охваченная невольнымъ трепетомъ, примостилась на одномъ изъ выступовъ моста, вполне вѣвряя себя тому безграничному простору и безпредѣльной мощи, которая царила надъ этимъ уголкомъ. Я стала прислушиваться и весь грохотъ и гулъ потерялъ свою хаотическую, расплывчатую форму: слухъ ясно различалъ отдѣльныя ноты, то была безконечная гамма звуковъ, цѣпь мотивовъ составленная изъ сложныхъ звеньевъ. Стонъ смѣнялся дикимъ хохотомъ, проклятiя переплетались съ торжественнымъ гимномъ, или стройныя рыданья заканчивались тихой мольбой. Въ pendant пляскѣ волнъ это море звуковъ волновалось, съ тончайшими нюансами и переливами. Создавалось такое впечатлѣнiе, точно пѣла каждая капля водопада, каждый кристаллъ его брызгъ. Въ волненiи я закрыла глаза и когда я ихъ снова открыла, то чуть не вскрикнула отъ удивленiя: водопадъ, зажженный волшебной рукой, засверкалъ милліонами огней. Серебристыя искры блестя въ прозрачной водѣ. Темныя сосны, грустныя схимницы, были освѣщены голубоватымъ свѣтомъ. Было жутко и прiятно: кипящая бездна манила, звала къ себѣ. Въ разгоряченномъ мозгу мелькали волшебныя картины... Сосны шептались громче и громче, качая тревожно вѣтвями. Въ виски стучали десятки молотковъ, душа рвалась на просторъ, въ безконечную ширь..

— „Ты хочешь знать, дитя, куда я рвусь?“

Раздался около меня голосъ.— „Днемъ ты ушла недовольной, что привлекло тебя снова ко мнѣ?.. О, женщины, женщины! Кто васъ пойметъ: то вы со страхомъ отворачиваетесь отъ безобиднаго жука, то смѣло,

спокойно идете на шагъ, передъ которымъ въ раздумiи остановится не одинъ смѣльчакъ. Ты еще дитя, чиста душой и тебѣ я могу открыть свою тайну.

Я родился въ царствѣ тѣней. Спокойнымъ ручейкомъ журчалъ я въ мягкомъ ложѣ, не зная ни тревогъ, ни волненiй. Каждый часъ, каждый мигъ приходили къ намъ новыя тѣни, окончившия свой земной путь. Безмолвно входили, безмолвно присоединялись къ товарищамъ. Въ тѣняхъ теплилась душа, но у нихъ передъ входомъ въ царство Молчанiя отнимался разумъ и душа погружалась въ безмятежный покой. Иногда они играли со мной, забавляясь каплями, порой носились въ воздушномъ хороводѣ. Такъ, капля за каплей, журчалъ я, нѣжась въ рыхлой землѣ. Я не зналъ ни тревогъ, ни волненiй.

Однажды тѣни получили новаго товарища. Страненъ былъ его видъ. Онъ молчалъ, но въ его молчанiи было нѣчто, что отличало его отъ другихъ. Одинокó бродилъ онъ среди царства. Бродилъ и наткнулся на меня. Нагнулся и началъ осторожно прислушиваться къ шороху капель. Мигъ—и онъ исчезъ... Вскорѣ онъ снова пришелъ и съ тѣхъ поръ не уходилъ. Онъ все къ чему то прислушивался, ниже и ниже наклоняясь ко мнѣ. Губы его шевелились, но я не понималъ, не слышалъ его. Вдругъ ослѣпительно яркая искра мелькнула изъ его глазъ и алмазомъ упала на меня. Я задрожалъ: искра проникла черезъ всѣ капли и зажгла мои слезинки. Я ожилъ. Я сталъ понимать прекрасное созданiе. Случайно въ его душѣ осталась искра разума. Эта искра жила въ немъ и лишала его душу того царственнаго покоя, которымъ были объаты сознание и душа его товарищей. Оно умѣло плакать и въ порывѣ отчаянiя изъ его очей сверкнула

слезинка, которая зажгла во мнѣ нѣчто, научила чувствовать.—„О, царевичъ мой прекрасный, шептало видѣніе, ты свободенъ. можешь течь за грань царства Молчанія. Ты можешь уйти изъ мрака въ царство Солнца. Возьми меня съ собой. Меня насильно разлучили съ инымъ, прекраснымъ міромъ безсердечно толкнули въ эту бездну“... Такъ шептало видѣніе. Я дрожалъ: его мольбы о свободѣ жгли меня огнемъ.

— „Царевичъ, пробьемся сквозь этотъ мракъ, къ солнцу, теплу и свѣту!“ раздавался страстный шепотъ. Ниже и ниже наклонялись уста. Я ринулся съ бѣшенною силой въ мракъ. Мигъ—и я вырвался на свѣтъ, неся въ объятыхъ мою путеводную звѣзду. Упоенный свѣтомъ я жаждалъ счастья, безграничнаго счастья. Но... было поздно: моя башня безмолвной, холодной, лежала въ моихъ объятыхъ. Я началъ покрывать ее поцѣлуями, звать, поднимать на поверхность воды, къ солнцу, теплу... Напрасно: она оставалась безжизненной. Ужасъ сковалъ меня: я понялъ: со слезинкой погасла послѣдняя искра разума, и оно мое сокровище, стало тѣнью. Понимаешь—тѣнью...

Я обезумѣлъ отъ горя. Я метался, какъ раненный звѣрь, но ни мольбы, ни угрозы, не вернули утраченнаго счастья. А кругомъ было такъ дивно хорошо: прекрасный міръ. въ блескѣ красоты, сверкала тысячу красками. Каждая пылинка нѣжилась подъ лучемъ Солнца. Былъ еще одинъ выходъ. Мнѣ казалось, что я нашелъ средство спасти мое сокровище, вернуть его къ жизни. Я поднималъ его безжизненный образъ къ солнцу, подъ одинъ изъ его лучей. Слабая надежда поддерживала меня. Если солнце является источникомъ жизни для прекраснаго міра (думалъ я), то оно можетъ согрѣть мой

алмазь, зажечь немъ тысячи искорокъ. Съ мольбой обратился я къ свѣтилу, но оно лишь печально улыбнулось мнѣ въ отвѣтъ: Солнце даетъ жизнь, но дѣйствительное, а не отраженное. Вернуть къ жизни можетъ только дѣйствительное Солнце. Въ безумной тоскѣ ринулся я въ высь за живительной искрой. Рванулся и рухнулъ въ котловину, гдѣ заметался въ полномъ отчаяніи. Я задыхался, звалъ смерть, рвался обратно въ царство тѣней, но оно закрылось передъ нами: мы стали бессмертны. Мой другъ, какъ безплотный духъ, а мнѣ дала бессмертіе его слеза, дивный даръ незабвенной минуты. И такъ я былъ обреченъ вѣчно жить и нести въ объятыхъ безмолвную подругу. Вѣчно жить, блестя тысячу искрами Солнца, луны и звѣздъ. Я изнемогалъ. Въ дикомъ порывѣ я проклялъ любовь и призвалъ на помощь всѣхъ, кто былъ обмануть ею. Я звалъ ихъ на бой съ Солнцемъ. Я жаждалъ общими усилиями потушить это проклятое Солнце, источникъ моихъ страданій. Они вняли моему кличу и тысячами стекаются къ моимъ берегамъ. Многие не понимаютъ моей пѣсни, но тотъ, кто раненъ судьбой, душа котораго отравлена ядомъ разочарованья— мои лучшіе союзники. Этотъ мостъ служить переходной ступенью къ моему жилищу. Глупые люди назвали его „Мостомъ Самоубійцы“, но я называю его „Мостомъ Освобожденныхъ“. За нимъ лежитъ свободная жизнь стихій. Солнце высоко. пройдутъ вѣка, пока удастся достичь его. Но мы—внѣ времени. Скоро настанетъ мигъ, когда я пересѣку раздѣляющее насъ пространство и мощнымъ взмахомъ уничтожу свѣтило. Моя волна зажжется его свѣтомъ и станетъ источникомъ жизни. Я принесу ее къ моей подругѣ и зажгу ея душу. И будемъ мы сверкать во мракѣ,

служить источникомъ жизни, вѣмъ кто умеръ душой. Каждый день приноситъ мнѣ союзниковъ. Многіе изъ тѣхъ, которые безпечно смѣялись сегодня, весело карабкаясь по скаламъ—завтра станутъ въ мои ряды. Можетъ быть и ты, дитя, придешь ко мнѣ. Раненая на смерть жизнью ты проклянешь ее и станешь звеномъ въ моей цѣпи. О,

дитя...“ Но я очнулась. Съ безумнымъ страхомъ пустилась я бѣжать. Сосны шумѣли, а въ ухахъ звенѣлъ торжествующій хохотъ и стонъ водопада. Какъ побѣдный гимнъ, какъ торжественный гедеметъ звучалъ его грохотъ и плескъ...

Валерія Снѣговая.

Прощальныя краски угасшаго дня.

Обрывистый берегъ надъ соннымъ заливомъ...

Чуть слышно дыханье уснувшей волны!

Неясныя тѣни скользятъ по обрывамъ,

Задумчивый вечеръ... Блаженные сны...

Столпились деревья пугливой гурьбою,

Молчить, притаившись, мечтательный лѣсъ,

А бѣлыя чайки одна за другою,

Купаяся, тонуть въ лазури небесъ.

Спокойныя грезы... Полетъ настроеній...

Нѣмая улыбка... Восторженный взглядъ...

Порывъ беззаботныхъ, безумныхъ мгновений,

А сердце трепещетъ и очи горятъ!..

Александръ Жуковский.

Списокъ книгъ, полученныхъ въ редакціи для отзыва.

Изданія журнала „Обновленіе Школы“:

- 1) **Липманъ Отто.** Очеркъ психологии для педагоговъ. Петроградъ, 1914 г., 112 стр., цѣна 45 коп.
- 2) **Румянцевъ Н. Е.** Проблема полового воспитанія съ психологической точки зрѣнія, 62 стр., цѣна 30 коп.
- 3) **Туфановъ.** Практическое руководство къ лабораторнымъ занятіямъ въ I-ый годъ обученія дѣтей ариѳметикѣ и геометрии, 80 стр., цѣна 30 коп.
- 4) **Балгалонъ.** Хрестоматическая система и новые методы, 66 стр., ц. 35 к.
- 5) **Дюфуръ, проф.** Гигіена глаза въ семьѣ и школѣ, 40 стр., цѣна 10 коп.
- 6) **Зачиняевъ, А.** Орфографическая пропись: вып. I, прям. шрифтъ, 3-е изд., 96 стр., ц. 20 к., вып. I, накл. шрифтъ, 10-ое изд., 96 стр., цѣна въ переплетѣ 23 к., вып. II, накл. шрифтъ, 10-ое изд., 160 стр., цѣна 25 к.

Другихъ издательствъ:

- Берхманъ.** Первые пѣсни, цѣна 60 к.
Гангелинъ. Четвертая симфонія, цѣна 1 руб.
Севастьяновъ. Prima carmina, цѣна 30 коп.

Отвѣтств. редакц.-издатель студентъ *Александръ Васильевъ.*

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ НА ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ

„Дѣловая Россія“.

Органъ защиты отечественной промышленности и торговли, народнаго труда и хозяйства.
Выходитъ при ближайшемъ участіи **В. И. КОВАЛЕВСКАГО** и **Н. А. МУРОМЦЕВА.**

Въ числѣ сотрудниковъ „ДѢЛОВОЙ РОССИИ“: В. Борисовъ, членъ Гос. Думы Вершининъ, П. В. Васильевъ, членъ Гос. Думы С. В. Востротинъ, Ф. П. Доброходскій, А. А. Евдокимовъ, Н. Ф. Езерскій, А. К. Жаба, И. И. Зекъ, М. Юксымовичъ, членъ Гос. Думы М. А. Карауловъ, В. И. Ковалевскій, М. П. Кубанскій, проф. Т. В. Локоть, А. Ф. Макаровъ, А. П. Мертваго, А. Михайловъ, Н. А. Муромцевъ, А. А. Никитскій, членъ Гос. Совѣта проф. И. Х. Озеровъ, Л. Л. Орлянкянъ, Н. В. Дризель, членъ Гос. Думы Савватѣевъ, проф. В. В. Святловскій, проф. М. А. Сириновъ, П. И. Соколовъ, проф. В. Ф. Тотоманцъ, В. П. Тянь-Шаньскій, М. М. Федоровъ, Г. Г. Фейгивъ, финансистъ В. М. Широкогоровъ, В. Шимановскій, Б. Ф. Шлеперъ, Ф. А. Щербина, И. И. Ямпольскій и др.

Редакція и контора: Петроградъ, Вас. Остр., 15 линия, 70. Телефонъ № 660-57.

Подписная цѣна: на годъ—6 руб., на полгода—3 руб., отдѣльный №—20 коп.

Такса объявленій: за строчку непар. впереди текста—1 р., позади текста—50 к.

Повторныя объявленія—по соглашенію.

Издательство „ДѢЛОВОЙ РОССИИ“
въ лицѣ Н. А. Муромцева.

Редакторъ П. В. Васильевъ.

12

КНИГЪ

ОТКРЫТА ПОДПИСКА

на 1915 годъ.

(3-й годъ изданія)

4 руб.

въ годъ

на Ежемѣсячный литературный, научный и политический журналъ,

„СЪВЕРНЫЯ ЗАПИСКИ“

издаваемый въ Петроградѣ.

Журналъ „Съверныя Записки“ отражаетъ и освѣщаетъ культурныя и политическія явленія, волнующія современную демократію, отстаивая тѣ теченія въ области мысли и жизни, которыя несутъ въ себѣ высшія культурныя цѣнности и начала свободнаго развитія общественности.

Въ 1915 году журналъ будетъ издаваться по прежней программѣ и при участіи прежнихъ сотрудниковъ въ отдѣлахъ художественной литературы (беллетристика, стихи), литературной критики, искусства, театра, науки, философи, религии, политики, народнаго хозяйства.

Всестороннее разсмотрѣніе проблемъ, выдвигаемыхъ мировой борьбой—вогъ задача, которую поставилъ себѣ журналъ съ самаго возникновенія войны. Согласно этой задачѣ, „Съв. Зап.“ и въ 1915 г. особое вниманіе будутъ удѣлять великимъ потрясеніямъ и испытаніямъ, переживаемымъ въ настоящее время человѣчествомъ, освѣщая въ рядѣ статей политическую, социальную, психологическую, культурную и др. стороны развертывающихся событій.

ВЪ ЖУРНАЛѢ УЧАСТВУЮТЪ:

Н. Д. Авксентьевъ, Анна Ахматова, Ю. Балтрушайтисъ, Липскеровъ, С. О. Марголянъ, Н. Г. Машковцевъ, Н. А. Морозовъ, С. Мстиславскій, Н. С. (И. И. Добропольскій), К. Бальмонтъ, П. И. Бирюковъ, І. М. Биккерманъ, І. М. Брюсова, А. С. Бѣлоруссовъ, А. Блокъ, С. И. Бондаревъ, Н. Я. Быховскій, М. А. Брагинскій, Л. М. Брамсонъ, И. К. Брусиловскій, А. Ю. Блохъ, Ив. Бунинъ, В. В. Водовозовъ, Иванъ Вольный, В. К. Вольскій, А. Герцыкъ, А. Г. Горнфельдъ, С. М. Городецкій, Любовь Гуревичъ, М. Ф. Гнѣсинъ, Н. Л. Геккеръ, Н. С. Гувилевъ, П. К. Губеръ, А. Я. Гуревичъ, В. Я. Гуревичъ, Ю. Делевскій, чл. Гос. Думы В. И. Дзюбинскій, В. М. Жирмунскій, Борисъ Зайцевъ, Д. О. Заславскій, С. Ф. Знаменскій, С. А. Золотаревъ, проф. Ф. Ф. Зѣлинскій, И. И. Игнатовичъ, Дм. Илимскій, В. Г. Каратыгинъ, Ф. Ф. Каоаяндисъ, В. Керженцовъ, А. А. Кипень, Н. Н. Киселевъ, Д. М. Койгинъ, И. И. Крыжановскій, чл. Гос. Думы, А. Ф. Керенскій, С. А. Клычковъ, М. А. Кузминъ, Н. Клюевъ, Григорій Ландау, проф. И. И. Лапшнъ, О. Я. Ларикъ, И. Е. Лаврентьевъ, Н. О. Лейнеръ, К. А. Морозовъ, С. Мстиславскій, Н. С. (И. И. Добропольскій), Н. С. Недоброво, П. А. Нилусъ, А. С. Новиковъ, проф. Д. Н. Овсянко-Куликовскій, Н. П. Огановскій, С. Я. Парнокъ, М. Пришвинъ, Н. Н. Пунинъ, Мих. Павловичъ, А. Н. Римскій-Корсаковъ, А. М. Ремизовъ, О. Б. Румеръ, А. И. Рубинъ, Борисъ Садзвской, Я. Л. Савнеръ, С. Н. Саргъевъ-Цѣнскій, А. Серафимовичъ, В. Б. Стенкевичъ, Янъ Страуянъ, Е. Сталинскій, Ф. А. Степунъ, И. Сургучевъ, В. А. Табуринъ, проф. Е. В. Тарле, Л. М. Толмачева, К. А. Тренивъ, проф. М. И. Туганъ-Барановскій, Я. А. Тугѣндхольдъ, Поль Фаргъ (Парижъ), Л. Б. Хавкина, М. С. Шагинянъ, Н. Л. Шапиръ, Ив. Шмелевъ, В. К. Шмидтъ, П. Ю. Шмидтъ, Б. М. Эйхнбаумъ, М. А. Энгельгардъ, Б. М. Энгельгардъ, А. П. Чапыгинъ, С. И. Чацкина, Б. М. Чернеиковъ, проф. Е. Н. Щепкинъ, Б. Яковенко и др.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА на журналъ

годъ.

6 мѣс.

3 мѣс.

съ достав. и пересыл. 4 р.

2 р. 50 қ.

1 р. 25 қ.

Принимается подписка: въ Главной конторѣ журнала: Петроградъ, Загородный пр., 21/13; въ крупныхъ книжн. магаз. и во всѣхъ почтовыхъ учрежденіяхъ.

Книжные магазины за комиссію удерживаютъ 10%.

Издательница С. И. Чацкина.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ

на еженедѣльный литературно-художественный и научный журналъ
молодой надпартийной интеллигенціи

„СЪВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЪ“,

издаваемый студенчествомъ, чистая прибыль отъ продажи котораго
идеть на помощь семьямъ павшихъ въ бою воиновъ,

Цѣли и задачи журнала. Зародившись въ тяжелую эпоху общественнаго перелома, — журналъ „Сверный Гусляръ“, какъ органъ выступающей въ жизнь молодой надпартийной интеллигенціи, переросшей узкія рамки партийности и кружковщины съ ихъ односторонними жизненными принципами, имѣетъ своей цѣлью:

- 1) объединить ищущихъ, задыхающихся подъ балластомъ программныхъ предписаній, стремящихся къ новой жизни, но еще не успѣвшихъ освободиться отъ обаянія прежнихъ фетишей;
- 2) способствовать всестороннему раскрытію личности;
- 3) выявленію самобытности въ литературѣ;
- 4) отыскать пути къ новому лучшему будущему за гранью перелома;
- 5) дать возможность на почвѣ трудовой кооперации заработать неимущимъ учащимся.

Поставивъ себѣ цѣлью объединеніе молодой надпартийной интеллигенціи, редакция не могла въ тоже время не откликнуться и на насущнѣйшіе вопросы дня, а поэтому ближайшей задачей явилось отчисленіе въ пользу семей павшихъ въ бою воиновъ всей чистой прибыли отъ продажи журнала „Сверный Гусляръ“. Но подобная мѣра временная и, по минованіи въ ней надобности, чистый доходъ отъ журнала будетъ поступать въ фондъ студенческой организаціи во главѣ съ редакціей „Сверный Гусляръ“. Эта организація, проектъ устава которой разрабатывается, имѣетъ цѣлью: устройство лекцій, экскурсій, помощь духовную и матеріальную

Въ текущемъ 1915 году годовые подписчики получаютъ 52 номера журнала, заключающаго въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: руководящія статьи, социально-философскій, литературно-художественный, критика и библиографія, жизнь школы.

Подписная цѣна съ доставкой и пересылкой на годъ—5 р. 6 мѣс.—2 р. 50 к. 3 мѣс.—1 р. 25 к. За границу на годъ—8 р. на 1/2 года 4 руб. Допускается коллективная подписка по 42 к. ежемѣсячно. Лицо, собравшее коллективную подписку не менѣе 20 человекъ, получаетъ съ общей подписной суммы, или 5% скидки, или бесплатно журналъ. За подробностями коллективной подписки просятъ обращаться въ редакцію.

Цѣна объявленій: На 2, 3 и 4-й стр. обложки, 1 стр.—40 р., 1/2 стр.—20 р. 1/4—10 р. строка петита 30 к. Позади текста: 1 стр.—25 р. 1/2 стр.—15 р. стр.—8 р.; строка петита—20 коп.; годовымъ, скидка по соглашенію.

При всякомъ сношеніи съ редакціей необходимо прикладывать на отвѣтъ марку. Въ противномъ случаѣ отвѣтъ для редакціи необязателенъ.

Подписка принимается въ главной конторѣ: Петроградъ, Б. Зеленина д. 8. кв. 20, а также въ книжныхъ магазинахъ: Попова—Невскій 66, „Жизнь“ Петр. ст. Б. прос. д. 3, „Новый путь“ Петр. ст. Б. пр. д. 1., Вольфа—Невскій 13. „Новое время“ Невскій 40, Карбасникова—Гост. Дворъ 19 и въ отдѣл. конторы при типогр. Литейный пр. 33.

Пробный № высылается за 2 семикопѣчныя марки.

Отвѣт. Ред. Изд. студентъ А. Васильевъ.

Содержаніе вышедшихъ номеровъ журнала „СЪВЕРНЫЙ ГУСЛЯРЬ“.

№ 1. Наши цѣли. Татьяна Б. Съ нами Богъ стих. Обзоръ документовъ дѣятелей Общества славянофиловъ въ связи съ настоящими событиями. Пѣснь Герцеговинскаго Гусляра — стих. Разрушители стат. Порабощеннымъ славянамъ стих. — За что?—стих. Рядовой.—На позиціяхъ. Исповѣдь редактора—Редакторъ. Три идеи въ русской философіи.—К. Жаковъ. Письмо сестры милосердія. Отъ Урала до Охотскаго моря—Васильевъ. Георгій Сохоцкій.—Моя осень стих.

№ 2. Передовица. Сами пишемъ, сами продаемъ. А. Три идеи въ русской философіи. К. Жаковъ. —стр. Татьяна Б.—Скромный подвигъ. С. Степной Юльчи (турк. быль). Волны—стих. Дроздовъ—Сашка разск. Емелинъ—стих. К. К. Н. Солнце—раз. „Смерть прошла кровавыми полями“. — Стих. Т. Б. „Тихія молитвы шепчутъ въ церкви люди“—Нелли—Порогъ жизни.—(на мотивъ изъ Ницше). Жизнь высшей школы. Письма. Отчетъ Редакціи.

№ 3. Отъ Редакціи. Объ экономическихъ организаціяхъ. Князевъ—Въ храмѣ—стих. Ава Золотыя звѣзды разск. Е. Козлова—Сказка стих. Солнцева, Триолетъ. Закапный советъ—стих. Нелли—Порогъ жизни (оконч.) Татьяна Б. „Шелохнутъ-ли березы въ тиши“,—стих. А. С. „Красиво, радостно и смѣло“—стих. А. Дроздовъ Деятели педагогическіе—разск. „Ты не своей будничной страны“—стих. А. Дроздовъ—Веронъ—стих. И. Лебедиковъ—Футляръ или цевзуръ—раз.—Исповѣдь редактора. Солнцева—„Тебѣ не жалъ меня, печальную больную“—стих. Жизнь высшей школы. Отчетъ Редакціи.

№ 4. Римусъ. Счастливые поколѣнія. Раевская—стихот. Студентъ, объ экономическихъ организаціяхъ. Морозовъ—Perpetuum mobile. Раевская — „Вотъ я вся какъ стонъ“—стих. Шиншовой—Ночныя видѣнія. Толмачевъ—Поэза—стих. Дроздовъ Стансы стих. С. Степной Курбань—раз. Дроздовъ Мысль стих. К. Жаковъ Три идеи въ русской философіи. Жизнь высшей школы. Письма. Отчетъ редакціи.

№ 5. А.—Куда идемъ (съ статьёю „Наше будущее“). Яшинъ Страшный человекъ раз. Яшинъ—Невѣдомому Богу—стих. Козловъ Чортово Городище—раз. Римусъ Немного о партияхъ. Т. Б.—Нолдень—стих. Н. Росницкій—Въ эти дни—студ. Бѣлозеровъ На переломѣ—стих. Сохоцкій—Иѣзня—быль. Регина. З.—Безучастна, неподвижна—стих. Жизнь высшей школы. Письма. Отчетъ редакціи.

№ 6. Нелли—Отвѣтъ (къ стат. объ эконом. организаціяхъ). Шабловская-Кудрицкая—Снѣжинки стих. К. Жаковъ—Три идеи русской философіи А. Гагаринъ Когда было льто. А. Кудрявцевъ — Тоска — стих. Цифра—Нервы раз. А. Левинъ — „Слышу агельскія трели“ стих. А. Стрѣшневъ—Трезвая басня. И. Н. Рембахъ „Слушай Израиль“ Яшинъ—Финаль Комической оперы, которая называется „Жизнь“ Драм. эт. А. Толмачевъ—Письмо въ Юрьевъ—стих. Т. Б. Розы поэта. Жизнь высшей школы. Письма. Отчетъ.

№ 7. Я.—Волхвы. К. Прудовскій „На распутьи“. Римусъ—Проклятое наслѣдство Лебедиковъ На грани. К. Жаковъ Три идеи въ русской философіи. Яшинъ Камень—стих. В. Снѣговая Роза раз. К. Л.—Я огненосклонница стих. В. Яшинъ Часы—раз. Т. Б. Дождь—стих. Анаклеты—стих. Бѣлозеровъ—Дума. Стрѣшневъ—Министръ басня. Жизнь высшей школы. Письма. Отчетъ.

№ 1.—1915 г. Нелли—Два пожеланія сатира. К. Прудовскій Бенедиктовщина. Римусъ Проблема новой социальной педагогики. Нелли—Безуміе раз. Регина. З. „Я дѣвушка безстрастная“ стих. Яшинъ—Война родитъ героев стих. Яшинъ — Герой раз. Яяъ Щекъ — Дума. Физика. Лебедиковъ—На грани раз. Хр. Бѣлозеровъ „Настанетъ день и смерть придетъ—стих. Его-же Арфа—стих. Отчетъ редакціи.

Чистая прибыль отъ продажи 6-ти номеровъ „Сѣвернаго Гусляра“ выразилась въ суммѣ 2870 р.—к. Изъ коихъ 1000 р. пожертвовала въ Вол.-Эконом. Общ. для скорѣйшаго распредѣленія семьямъ павшихъ въ бою воиновъ. Остальная сумма хранится въ Гос. Сбер. Кассѣ и будетъ распредѣлена студенческой организаціи.

Просимъ сочувствующихъ намъ присылать въ редакцію—рукописи, рассказы, стихи, статьи на разныя темы, хронику высшей школы, иллюстраци и проч.

Рукописи должны быть написаны на одной сторонѣ листа, и по возможности четко,—подписаны и снабжены адресомъ, безъ чего печататься не будутъ. Безъ обозначенія гонорара рукописи считаются безплатными.

О принятыхъ для напечатанія редакція сообщаетъ письменно. Возвращеніе непринятыхъ рукописей для редакціи необязательно.

Редакція проситъ нуждающихся т. т.—студентовъ и курсистокъ вступать въ число продавцовъ журнала. Объ условіяхъ справиться въ редакціи отъ 5—9 ч. вечера.

Изданіе Вологодскаго Общества Сельскаго Хозяйства и Коммерческаго Отдѣла союзной организаціи кооперативовъ сѣвернаго края.

ШЕСТОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 ГОДЪ.

Двухнедѣльный кооперативный и сельскохозяйственный журналъ

СѢВЕРНЫЙ ХОЗЯИНЪ

Органъ, обслуживающій кооперацію Сѣвернаго Края.

Журналъ ставитъ своей главной задачей выясненіе естественныхъ, экономическихъ, культурныхъ и общественныхъ условій коопераціи и сельскаго хозяйства. Журналомъ обращено серьезное вниманіе на обслуживаніе кооперативныхъ организаціи, съ каковою цѣлью предпринимается всестороннее обследованіе ихъ дѣятельности.

Въ журналѣ имѣются слѣдующіе отдѣлы: 1. Общеэкономическій. 2. Кооперативный. 3. Земледѣліе. 4. С.-х. животноводство и молочное хозяйство. 5. Лѣсное дѣло. 6. Кустарно-промыш. 7. Правовой. 8. Обще-культурный. 9. Корреспонденци. 10. Хроника. 11. Библиографія. 12. Полезныя свѣдѣнія. 13. Отчеты о дѣятельности правит. зем. и обществ. учреждений. 14. Отвѣты на вопросы по всемъ отраслямъ знаній. 15. Справочный.

Редакціей, въ цѣляхъ освященія кооперативной жизни въ РОССИИ и ЗАГРНИЦЕЙ, привлечены къ сотрудничеству видные дѣятели по коопераціи.

ПОДПИСНАЯ ПЛАТА: На 1 годъ 2 р. 50 к., на 1/2 1 р. 25 к. съ пересылкой; безъ пересылки на 1 годъ 2 р.; 1/2 года 1 р. Для членовъ Общества и Отдѣла съ пересылкой на годъ 2 р., на 1/2 года 1 р.; безъ пересылки на годъ 1 р. 50 к.; на 1/2 года 75 к. Отдѣльный № 10 к. Комплекты: за 1912 г.—1 руб. 50 коп., за 1913 и 1914 г. г. комплекты все распроданы.

Пробный № высылается по требованію безплатно.

ПЛАТА ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ: Позади текста: за одинъ разъ цѣлая страница 12 р., полстраницы—7 р. 50 коп., 1/4 страницы—4 р. 50 к., 1/8 страницы—3 р. Строка пята въ одну кол. 15 коп.

За многократныя объявленія дѣлается слѣдующая скидка: за 24 раза—50%, за 18—45%, за 15—40%, за 12—35%, за 9—30%, за 6—25%, и за 3—20%. Впереді текста вдвое дороже. Разсылка объявленій вѣсомъ до 1 лота 10 руб. съ 1000 эк., за каждый послѣдующій лотъ—по 5 руб. съ 1000 экз.

АДРЕСЪ ЖУРНАЛА: Вологда, уголь Казанской и Гостинодворской.

Отв. редакторъ П. П. Котовъ.

1 р. 90 к.

Безъ доставки.

Восьмой годъ изданія

— **Н О В Ы Й** —

2 р. 20 к.

Съ дос. и перес.

ЖУРНАЛ ДЛѢ ВСѢХ.

ОТКРЫТА ПОДПИСКА НА 1915 г.

ЖУРНАЛЪ ВЫХОДИТЪ ЕЖЕМѢСЯЧНО
въ объемъ 4—5 печ. листовъ (въ 130—140 стр.).

Въ связи съ переживаемымъ временемъ въ журналъ будетъ особое вниманіе обращено на: 1) **ВОЕННО-МОРСКОЙ ОТДѢЛЪ**, вести который будетъ проф. Никол. Морской Акад. Н. Л. Кладо (Прибой) и 2) **ОТДѢЛЪ ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ**, подъ руководствомъ пом. хран. музеевъ Императорской Акад. Худ. С. К. Исакова.

Журналъ будетъ иллюстрироваться оригинальн. рисунк., фотограф., вѣнзетками карикатурами.

ДЛЯ КАЖДАГО НОМЕРА БУДЕТЪ ДАВАТЬСЯ НОВАЯ ИЛЛЮСТРИРОВАННАЯ ОБЛОЖКА.

Журналъ будетъ освѣщать всѣ явленія общественной, экономической и политической жизни. Широко будутъ поставлены отдѣлы бгллетристик., научно-популярн., критич. и худож.

Подписчики получаютъ по окончаніи войны Карту новыхъ границъ европейскихъ государствъ въ краскахъ.

ПРОБНЫЙ НОМЕРЪ ВЫСЫЛАЕТСЯ ЗА ДВѢ 10 К. МАРКИ.

Подписная цѣна: съ перес. **2 р. 20 к.**, на 1/2 г. — 1 р. 20 к. Безъ перес. на годъ — **2 р. 20 к.**, дост. на 1 г. — 1 р. 90 к.

Для сельскихъ учителей, священник., рабочихъ и крестьянъ допускается разсрочка: 80 к. при подпискѣ, 80 к. къ 1 марта и 60 к. къ 1 Юля.

АДРЕСЪ ДЛѢ ПЕРЕВОДОВЪ:

Контора и Редакція: ПЕТРОГРАДЪ, Эргелевъ пер. (близъ Жуковской), д. 3. Телеф. 107-83.
Редакторъ-Издатель А. Боане-Яворозская.

0271

Для удобства публики журналъ
продается въ книжныхъ магази-
нахъ и у газетчиковъ.